

ОТРАЖЕЦЫЕ БАГРОВЫХ ЛИНЗ

БУРОВ ИЛЬЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Буров

Отражение багровых линз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69559840

SelfPub; 2023

Аннотация

Фантастическая повесть в постапокалиптическом сеттинге. История о парне, трагически потерявшего семью и изо дня в день блуждающего на осколках прошлой эпохи, не совладавшей с термоядерным конфликтом. Главная его цель – отыскать историю войны и ответить на волнующие его вопросы о прошлой жизни, так ярко скрываемой его отцом. Одна из запланированных вылазок из пристанища, по стечению обстоятельств, закидываем героя в экстремальные условия и разворачивает его планы вспять, заставляет действовать здесь и сейчас. Это история о вечной проблеме войны и тоталитаризма, правды и её доступности, традиционных ценностей и человеческих переживаний.

Илья Буров

Отражение багровых линз

Глава I

Как много боли в слове «правда».

Некоторые люди, скрывая правду, считают себя защитниками. “Ложь во благо” – как они думают. Эта группа лиц *даёт* возможность забыть старые невзгоды, проблемы и эмоции ради беспроблемного движения вперёд. Но есть и другие, что считают своим долгом рассказать правду во что бы то не стало, ибо благодаря этому человек не совершит ошибки прошлого. Правда может доставить боль, неприятности и несчастье, но двигаться дальше будет без необходимости оглядываться назад. В неизвестность.

Мой отец относился к первым. Сыпал меня расплывчатыми формулировками и многозадачными взглядами, а на вопрос ребёнка: “*Что изменило этот мир?*”, отвечал: “*Человеческое невежество.*”. Я в силу возраста не понимал, о чём он говорит, и тогда то, донимая уже других переживших, заимел на руках ужасные слова. Конкретный способ уничтожения человечества как культуры и песчинки в космосе: “*Термоядерный конфликт*”.

С годами взросления я всё больше понимал *человеческое невежество* этих слов и всё больше интересовался миром, на кладбище которого теперь блуждают тени прошлого. Густые

рощи зелени, мягкая трава и нескончаемое пение птиц – мечтательные иллюстрации старых открыток и книжек. Иллюстрации, породившие внутри бесхозного парня зависть к покинувшему его родителям. К их прошлой жизни, заставшей расцвет природы и затерянное ныне чувство безопасности.

Я рассуждал об этом, стоя в полусгнившей квартире и выглядывая в разбитом окне ноябрьские колья осины. Её колышущиеся полуголые ветви с пыльной листвой – радиоактивных частиц тут предостаточно, не смотря на огромное расстояние от Омска, оказавшегося под ударом ядерных боеголовок, и ежегодного спада уровня пыли. Вздохнув, я поправил потрёпанный временем гражданский противогаз, сглаживающий мучительную участь легких во время вылазок, и покинул помещения двухэтажки.

Ступив на одну из многочисленных улиц Нижневартовска, мои старые берцы быстро обрели серовато фونهاщий камуфляж, схожий с опрокинутым через растрескавшуюся дорогу разбитым вандалами киоском, в котором я пробыл не менее получаса, надеясь отыскать какую макулатуру. Время убито не зря – кое-что уже в предвкушении долгожданного внимания на дне вещмешка.

Во время вылазок в город я не раз задумывался об истории этого места. Неделями пытался выйти на муниципалитет, поднимал документацию краеведческих музеев и школ, немало времени провёл в библиотеках – всё безуспешно.

Кроме всемирной истории, съеденной мной ещё в детстве, я находил лишь крупицы немалой картины. Например, что на 1970-ый год, ставший началом конца, население Нижневартовска составляло не более нескольких десятков тысяч человек, что в тысячи раз меньше того, что я видел за последние два года. И ещё меньше за последние недели.

Уже был глубокий вечер, когда из спальных районов выплыло здание школы. Такое же, как и остальные в городе, но одновременно и единственное. Здесь, в сентябре того злосчастливого года, под разрывающую перепонки воздушную тревогу моя семья с годовалым и постоянно сопливым ребёнком укрылась в бункере именно *этой* школы. Я там вырос. Наблюдал за течением смерти, последствиями голода, ожидания и страха неизвестности. Это ломало одних. Других это учило и закаляло.

Здесь ведь и дом моих родителей где-то?

– Опять задумался о прошлом... – Послышался голос за спиной.

Я спокойно кивнул, всё так же глядя на школу.

– Ты что-то долго сегодня с такими мелочами. – Продолжил он. – Чего урвал то, негодник? – Добавил с доброй улыбкой в голосе.

Из развязанного мешка выглянули потрёпанный журнал и жалкого вида книжка, тут же заслужившие внимание собеседника. Это был мужчина моего роста в тёмно-коричневом плаще, каждый раз неожиданно выступающий из тени

так же умело, как и исчезал, оставляя меня с невероятным желанием взглянуть ему в глаза, что было невозможно – за матово-бурыми линзами старого противогАЗа разглядеть чего не выходило.

– Журнал «Ровесник» и «Страна багровых туч»? – Вглядывался товарищ. – Занятно. Правда, я ни с чем из этого не знаком и не смогу сказать, понравится ли тебе.

«В любом случае это скоротает время до следующего выхода» – Вписал я в раскрытый дневник из того же мешка и показал собеседнику.

– Наверное, ты прав. – Покачал он головой. – Но пора бы и честь знать.

Я сразу понял его намёк: ночь не за горами. Окрестности города, конечно, более безопасны, чем сам Нижневартовск под луной, но лучше это время провести в пристанище. Дикае псы, волки или ещё какое оголодавшее зверье могут выйти на меня в любой момент. Ночь – не моя стихия.

Оставшийся путь мы шли молча, и я твёрдо ощущал чьё-то присутствие за спиной. Только на момент выхода к пустырю пред рощей, где стояло пару пустующих домов, было ясно, что спутник отстал. Или свернул куда к себе, не будет же он провожать до порога? – Ему ведь тоже надо успеть скрыться до ночи.

Но я всё же обернулся удостовериться. Стянул противогАЗ, ибо радиационный фон здесь уже не выходил за норму, втянул прохладный воздух полной грудью и, как и товарищ,

исчез в темноте одной из дверных рам.

Дом, как и любое здание, оставленное без присмотра, был в плачевном состоянии: всё покорёженное, кавардак с раскуроченной мебелью, жухлые ростки, пробившиеся через оброну сгнившего пола, издающие характерные звуки при малейшем давлении. “А прошло ведь всего полтора года...” – Вдохнул я внутри и начал разгребать хлам под лестницей на чердак, пока не показался навесной замок, защищающий погреб. Небольшую комнатку под землёй, обитую поверх стекловаты досками, где ютилась среди стеллажа и самопальной буржуйки с уходящей на вверх трубой скромная койка. Здесь, у подвешенной за балку сверху керосинки, я проводил каждый свой вечер. Читал, отмечал размышления в дневнике и изредка разжигал печь – больше для поддержки температуры, чем для готовки, коей занимался в основном наверху. Это помогало отвлечься от действительности.

Несколько раз в неделю я покидал своё пристанище и по плану выходил в город. Занимался поисками прошлого, в Нижневартовске искать что-то иное бесполезно – провизия бралась из лесу: ловушки на мелкую живность, редкая рыбалка и ягоды да травы. Целью же следующей запланированной через две ночи вылазки был милицейский участок. «Снова» – Поправил я план в дневнике. В тот раз, месяц назад провалилась попытка взломать дверь архива – отец утверждал, что там находятся карты города и близлежащих окрестностей, что сильно упростило б задачу ориентирова-

ния – у меня попросту не было инструмента и сил под конец дня, из-за чего и было решение повременить.

***

Облачно. Мёртвая тишина, навверняка вводящая в беспокойство доконфликтного человека, развеялась чавкающим звуком – берцы ступили в взмокшую из-за ночного ливня грязь. Во дворе было умиротворённо: ни пения птиц, ни шума бодрствующей листвы или речки.

Этому *здесь* попросту не место.

Оглядев пустырь, я остановился на незаметном вечерами придорожном колодце, что заострял моё внимание не раз – рядом покоятся дорогие мне люди. Две небольшие от усевшего грунта могилки, охраняемые сколоченными крестами. Присев у них пред дорогой, я поднял из грязи сбитую ветром фуражку и вернул, отряхнув одному из перекрестья досок. На втором было пожелтевшее со временем фото молодой женщины: собранные в пучок каштановые волосы, белая аккуратная рубашка и застывшая доконфликтная улыбка.

– Матушка? – Жестяной сзади голос. – Ты принял от неё многое...

По щеке скользнула скупая слеза. “Лишь бы надеть противогаз!” – Взревело внутри. – “Лишь бы этому поганому миру не видеть моих воспоминаний!”.

– Извини. – Продолжало за спиной. – Мне не стоило вскрывать старых ран.

На плечо легла тяжёлая рука, до пят пробравшая прият-

ным теплом – таков был жест моего отца в последнюю нашу встречу.

– Встань горой за нашу мать. – Говорил он твёрдо. – И слушайся дядю Мишу, хорошо?

– Хорошо, отец. – Отвечал я.

– Да не дрейф, Аристарх! – Вступился дядя Миша, ударив товарища по плечу. – Мы с твоим не пропадём, уж гарантирую!

В резину противогоза ударил свист ветра. Поднявшаяся к полудню городская пыль пеленой ложилась на линзы, и глядеть впередиидущие улицы было нелегко. Перебираясь вдоль проломленных баррикад, я давил подножный мусор и вслушивался в городские проулки: где-то прокатиться жестяная банка, где скрипнет прицеп старого грузовика. Один из таких проулков приведёт меня к частично разрушенной двухэтажке, окружённой металлическими заграждениями и автомобилями «ГАЗ-21». Вдоль таких тёмно-синих волг шла красная линия с надписью: «*Милиция*», а у заграждений, среди огромного количества иссохших тел, всё было усыпано гильзами различного калибра.

В 1982-ом году, по рассказам отца, город вспыхнул пламенем под названием «бунт». Муниципалитет, заручившийся остатками городских служб, не был в состоянии обеспечить *прежнюю* жизнь народа, пережившего ударные волны и мучительные годы ожидания по норам, с чем последние мириться не собирались. Отец многое в рассказах опускал и на

конкретные вопросы отвечал одно и то же: *“Защикливание на прошлом лишь порождает такое же прошлое.”*

Что он имел ввиду? Что, зная прошлые ошибки, человек склонен к их повтору? Что всё циклично? Я не могу этого поддержать! Оглядываясь в прошлое, человек способен проанализировать старые ошибки и не допустить их в будущем. Зная прошлое, он не будет задаваться глупыми, терзающими голову вопросами, подобно мне! Кто мне ответит, почему не был урегулирован конфликт, уничтоживший мир? Откуда взялась болезнь, погубившая мою мать и ещё половину Нижневартовска? Почему я из-за этой неизвестности должен терять близких мне людей? – Именно *поэтому* я ищу карты. В надежде понять, где мне искать ответы!

Помещения милицейского, не отличимого от беспорядка улицы участка открывались чрез давно снесённые бунтовщиками двери. Они служили тогда и сигналом для перепуганных служащих, что шанса им выбраться из здания живым – ничтожны. Противостоять натиску голодных и больных ртов, которых не удержать ни автомобилями, ни укреплениями и оружием – затея весьма опрометчивая. Перехватив поудобнее отвязанную от вещмешка фомку, я сунул инструмент между дужкой навесного замка и металлической дверью архива. Секундное усилие и жестяная болванка со звоном поднимает напольную пыль.

Бардак. Выдвижные ящики массивных стеллажей были разбросаны по полу среди перевернутых столов, стульев и

своих внутренностей в лице сотен бесхозных бумаг, папок и свёртков. Как тут что-то найти? Как вообще приступить к поиску, когда перед тобой поверх макулатуры чья-то спина?

Развернув окоченевшее тело, я взглянул на мертвеца, кое-го заперли: холщовая куртка с многочисленными отверстиями от мелкого калибра, разломанный респиратор и... странное положение рук, будто удерживающих у груди ранее подобие папки или планшета. “Отыскал заветное, но унести уже не смог?” – Подумал я, шаря по карманам, и наткнулся на сложенный тетрадный лист. Это была зарисовка одного из городских районов с кривыми пометками вроде у меня в дневнике – Что прикажешь за не именем альтернатив? Чуть изучив *самоделку*, я выделил занятную деталь: в двух улицах от участка была «*Смотровая вышка*».

– Раз не вышло с картами, может положиться на собственное зрение? – Послышался знакомый голос в проходной. – Как думаешь?

Схватив фомку, я резко вскочил, чуть не свалившись на тело, но в дверях никого не оказалось. Кто это сказал!? Я выбежал в коридор, но и там никаких изменений. “Товарищ?” – Понадеялся внутри. – “Он же в город не ногой... Наврал, значит!”.

***

Самоделка была немного не точна – треть проулков перекрыта, и приходилось искать пути обхода, что без пометок на листе непросто, но выйти к отмеченному месту всё же уда-

лось. Им оказался изолированный трёхэтажками двор, куда попасть можно было через одну из подворотен.

Меня всё не отпускал курьёз с товарищем – он впервые мне соврал! И ладно бы объяснился, но нет ведь: убежал, как... подожди. Может я его испугал своим поведением?

Под ногами захрустела редкая жухлая трава. Двор встречал проржавевшей кривой детской площадкой, чьи качели настырно заполняли тишь города, словно твердя: “Один в поле – тоже воин!”. Жутковатые же, вырезанные в пнях лица сказочных героев всем своим видом показывали своё соседское недовольство и просили гостя что-нибудь предпринять. Я решил не отказывать, относя себя к таким же ценителям мёртвенной тишины.

“Неужели в прошлом всё было цветное?” – По-детски спросил я про себя после того, как смахнул слой пыли со стенки опрокинутого за молчаливыми уже качелями гаража. Сборный сарайчик был бирюзовым, как редкое ныне небо. Я поднял окуляры наверх и увидел среди сероватых, как всё вокруг, туч возвышающуюся мачту связи – *смотровую вышку* семнадцати метров высотой. После первичного осмотра было ясно, что со двора на пик не забраться: раскуроченный девятиметровый кусок лестницы игривой змеей ютился вдоль бордюра. “Сентябрьская буря постаралась?” – Рассудил я и уже с другим взглядом окинул двор. Вторичный осмотр дал понять и то, что мачта использовалась и после бури: с крыши ближнего к ней дома торчал брус, параллель-

ный мачтовой платформе с продолжением лестницы.

Произошедшая в сентябре буря коснулась не только города – пострадали окрестные леса и брошенные поселения. Тем не менее, кто-то после всего этого решил восстановить доступ к мачте и притащил брус, используемый как мост. И думал я более не о рискованности затеи, а о том, что город оказался не пуст! Всё это время мной не было встречено ни одной незнакомой души, а тут выясняется *такое...* Может, преувеличиваю? Сентябрьская буря была не первая и не последняя, всё могло произойти в разные времена, но тело в архиве? Не могу сказать, что оно состояния бунтовщиков или пролежало там более полугода. «*Запутанно.*» – Закончил я свои заметки в дневнике и бросил взгляд на лежащий под ногами брус.

Страшно. Чем выше я взбирался, тем интенсивнее стучало в груди, мутило, но это возрастающее чувство исходило не от количества метров и того, что подо мной, а от... понимания. От понимания того, что если сорваться, не так поставить ногу или забыться и полететь вниз, то это неминуемая смерть. Путь к очередной декорации этого чёртова места!

Оставаться наверху не хотелось. Было понимание, что мачте по конструкции не страшен ветер, но казалось, что от малейшего дуновения пик кланялся на сантиметров пять! Вцепившись в лестницу, ибо верхняя платформа доверия не внушала, я начал вертеть тяжёлой головой, пытаюсь разглядеть чего сквозь запотевшие линзы. Дело шло так себе, ка-

менные надгробья сливались в кладбище, и были уже предприняты трусливые попытки к спуску, пока среди могил не развеялся от прошедшего ветра флаг былой эпохи. Алое, выделяющееся среди городского тона полотно, кое не вешалось на каждом доме. Что это могло быть за здание? Слабость не дала порассуждать, и я, наспех отложив в голове ориентиры и направление этого места, принялся спускаться.

***

И так далеко не нейтральные краски неба начали сгущаться, когда за дворовым забором тянувшегося к земле общежития показался первый ориентир. Небольшая церквушка, олицетворяющая всю порочность человека, всю суть его действий в ситуациях, неподвластных обычному гражданину. На меня глядели из-под обломков их останки, а иконы за прогнившей рамой выбитых ставен с ужасом выглядывали из обители на исход своих почитателей.

– Термоядерный конфликт подкосил общество, а локальная эпидемия и голод изничтожила слабых. – Донеслось со двора общежития. – Разве поведение измотанных обстоятельствами ртов не предсказуемо?

Я обернулся на глухие и бесшумно знакомые шаги, выплывающие на тротуар.

– Ты же видел, будучи сорванцом, как ваши бедные соседи молили о помощи. – Продолжал гудеть хобот. – А при смерти они винули не вас, отказавших, не свою слабость, опустившую им руки. Они до конца веровали, что ядерные грибы с

хворью, погубившие их мироздание дело рук небожителя!

Развернув уже к тому времени дневник, я хотел его успокоить и поговорить о ситуации в участке, но он мне не дал:

– Брось калякать и посмотри! – Дневник полетел во вчерашнюю лужу, разошедшуюся кругами, а в церквушку устремился чёрный палец. – Думаешь, эти звери просто так строили халупы с куполами и молились!? Они до чертей боялись смерти и судьбы, мол, это не их рук дело! Сносили своими бунтами мнимых виновных! Их дома, церкви, как эта, чтоб показать своё недовольство и разочарование всему небу!

Что повлияло на его агрессию!? Он в попытках что-то доказать сходил с ума, как и погода! Оккупировавшие серость над головой тучи опустились жутким ливнем, ветер, что начался уже давно, ежесекундно набирал скорость, метая не то что жестянки, а камни и обломки кирпича!

– Да если ваш бог и существует, то только его вера способна убить вас настолько, чтоб вы самостоятельно изничтожили собственность! Изгнали из вселенной ничтожный мусор, именуемый человеком! – Кричала резиновая морда сквозь шум ливня.

Словно слепой крот, я пытался жестами успокоить рассекаемую ливнем пустоту, где, наверное, пытит собеседник, резко замолчавший. Что с ним такое!?

Удар. Звон, перешедший в жуткую боль, свалил меня на асфальт. Не успев и оклематься, я вцепился в взмокшую тряпку в надежде, что это дневник, и кинулся к церкви.

***

Я сидел в притворе, глядя одним окуляром на останки священника у амвона. Его обтянутые тонким кисти крепко стиснули прут, вышедший из церковной рясы, в районе живота. “За что?” – Спросил я про себя сгнивших бунтовщиков, вглядываясь в застывший лик жуткой боли и... разочарования в собственном виде. Закашлявшись, я отвернулся – Ещё не вышел радиоактивный воздух или это промокшая задница даёт о себе знать?

Когда меня разбудил пробравший озноб, в горло ударила горечь – левая линза оказалась треснута. Вывернув мешок, я заклеил остатками изоленды окуляр и уже тогда обратил внимание, что солнце почти село. Во всю светило из дыры бывших ставен и навязывало вопрос: “Сколько я просидел?”. Распластавшись на куске мешковины, вымокший дневник с бесполезным кожаным переплётom вселял надежду, что недолго. Но этого недолго простуде могло хватить с лихвой.

Следующий ориентир – плоское средь лысого двора одноэтажное пятно аптеки. Большую их часть, как и продуктовые, разворовали, по рассказам, за неделю до первых ударов ядерных боеголовок, словно люд почуял неладное. Во времена же многолетнего затишья, когда из нор лезли отчаянные, и во времена бунтов 1982-ого, оставшиеся магазины становились очередными местами собачьих боев.

– Ну чего, братцы? Сегодня по медичке иль как? – Гово-

рил грузный сосед. – Мой сват вон милицию пасти пошёл, ему б подсобить!

– А толку? – Засипел второй. – Все знают, что с правительством они так и не связались, а в одиночку им землю топтать не долго, ха-ха! А вот с медичкой недурно б...

– Да пусто. – Отвечал отец, доставая портсигар. – Неглупые люди ещё до всего бардака вынесли, что смогли и за город на сотни километров...

Закурив, он захлопнул наградной портсигар из серебра с гравюрой Красной Армии и убрал его в карман кожанки. Пару раз затыкнулся в тишине. Все его ждали. Понимали, что он не закончил.

– Да даже если осталось чего, то глотку порвут за флакон йода, не побрезгают.

– Так у меня, Аришаш, внуки болеют! – Выждав паузу, высказался сиплый. – Прикажешь глядеть, сложа руки, как кровинушки душу отдают?

– У самого семья! – Грозно кинул отец. – Понять просто нужно, что не светит даже нашим окрестностям будущего, вон город захлёбывается лучевой гнилью, хочешь внукам принести радиации в карманах вместо лекарств!?

– Тише, тише, брат! – Взял его за плечо дядя Миша. – Пока у нас фон в норме, нечего пугать соседей, успокаивайся. – Он развернулся к остальным. – Аристарх хочет сказать, что нам убираться отсюда надобно, мужики.

– Правильно! – Поддержал грузный, пихнув сиплого. – Я

тоже так подумывал!

– Да-а. – Нерешительно протянул сиплый. – И я-я...

Было запланировано, что, раздобыв транспорт, мы уедем на поиски хоть какого-то намёка на *нормальную* жизнь, но... отец планировал спасти только свою семью. Соседи гибли в ожидании его плана, не справляясь с агонией хвори и бессилием перед голодом. Прося нашей помощи, они получали отказ. Отец с дядей, постоянно рискуя жизнями, выходя в город и леса, видели, что ближайšie к ним люди не были готовы к такой же жизни – они и не пытались что-то сделать... не заслуживали и горсть крупы.

Со временем в окрестностях мы остались одни. Всё чаще и чаще отец с дядей пропадали на дни и недели, а возвращались с чуть полными сумками. Потом слегла мать, отец ушёл на поиск лекарств для неё и... не вернулся. Порой опускаются руки, когда начинаешь ворошить *собственное* прошлое, но в таком случае я вряд ли справлюсь с поставленными задачами.

Перебравшись чрез груды опрокинутых укреплений, я ступил на очередную прихоть бунтовщиков – сметённый пост, нацеленный на урегулирование беспорядков. Ничтожная дюжина добровольцев, купленных за миску похлёбки, против стада, наплевавшего на принципы. *Брат против брата*.

Незнакомый, как и всё вокруг за последние часы, переулочек вывел меня на серьёзно перекрытую улицу угасающего

цвета солнца. Протиснувшись меж нетронутых баррикад, я вышел к четырёхэтажному зданию, чьё карнизное алое полотно, весьма истерзанное вблизи, одним лишь перекрестием серпа и молота в углу заставило невзначай улыбнуться. А от пыльной надписи на табличке у парадной и вовсе отошла на задний план промокшая задница, усталость и полученная доза радиации: «*Исполнительный комитет городского округа Нижневартовск*».

Скребя по полу, дверь захлопнулась. Наступила жуткая темень. Вспыхнув терзающим тишь щелчком, луч света показал причину: все окна наглухо заколочены. За плотной тёмно-синей тканью корнями вцепились в оконные рамы доски, куски фанеры и местами небольшие листы металла. Зачем *такая* защита? От ярости бунтовщиков? Радиации?

В стеклышках разбитой слева справочной заплясали отблески фонаря, а затем справа, за низкой столешницей со скамейками, уходящий вглубь коридор открыл многочисленные двери. Большинство из них открыты, но не представляли интереса: голые, будто всё вынесли кабинеты да подсобки. Заворот в конце этажа и вовсе вёл в санузел, и я даже не собирался туда заглядывать, если только... не повешенная посреди кафеля женщина. Её не успевший превратиться в декорацию пронизывающий взгляд. Завораживающий невозмутимостью и одновременно отталкивающий, словно это последнее проявление эмоций предназначалось конкретному человеку.

Я собрался подняться по лестнице, что посреди холла, и уже взялся за перилла, когда в темени справочной налились кровью чьи-то огромные глаза. Застучало в висках.

– Не все люди готовы к *такой* жизни. – Дёрнулись глазницы. – Ведь и ты задумывал наложить на себя руки, не так ли? Голова качнулась на подсознательном уровне.

– Разве? – С недоумением в голосе выплыл на свет фонаря плащ. – А о чём ты тогда думал, растеряв *всех* близких?

Раздался скрип лестницы, перекрывающий скрежет зубов. Я медленно, шаг за шагом, пересчитывал берцами ступени и разрывался внутри: “Что с моим *другом!*?”

– Тебе напомнить какого было тащить по лесу окровавленного Ми...

Он не закончил. Полетевший в его сторону кусок кирпича, что попался под ноги, с лязгом отлетел от оконной защиты на пол. Никого не было.

– Ты был полон разочарования и злобы! – Взревела за спиной жёсть, отчего я свалился с ног. – Ты молил меня о смерти! – Продолжал кричать *недруг*. – Ты не рыдал от пережитого ужаса, а **вопил!**

Скатившись по ступеням, я напоролся головой на брошенный мной кирпич и от боли ухватившись за голову, сжался калачиком. Ненавистным багрянцам оставалось только глядеть на жалкие всхлипы в мерцающем свете фонаря и продолжать вскрывать старые раны, но... всё затихло. Я слышал лишь, как рядом со мной опустился плащ, как

чёрная рука чуть не коснулась моей головы и... как захлопнулась входная дверь.

***

«*Не заходить!*» – гласила надпись одной из досок, коими был заколочен подъём на третий этаж. Чуть засмотревшись, я прошёл в холл второго этажа, а затем и в ничем не отличный от прошлого коридор: та же темень, кафельный заворот в конце аналогично вскрытых никчёмных кабинетов и... подожди. На санузел глядела запертая, дополнительно укреплённая стекловатой и арматурой дверь, в щель которой молниеносно вгрызлась фомка.

На меня глядел мужчина. Точнее, куда-то мимо нехилой дверной рамы, в которой стоял запыхтевший одноглазый вандал.

Присев рядом с развалившимся у масляного калорифера телом, я обнаружил у его ног покрытый пылью револьвер системы Наган. “Три из семи.” – Посчитал я про себя патроны, с трудом проворачивая барабан, и взглянул на остальное убранство кабинета. Большую часть сего помещения занимал электроагрегатный исполин с уходящей через отверстие защиты окна самопальной трубой. Я опустился за стол неподалёку, заинтересованный стоящим на нём болотного цвета ящиком.

“И на что я рассчитывал?” – Удивился себе, обнаружив отсутствие питания после безрезультатных манипуляций с радиостанцией. Окинув фонарём столешницу, заваленную по-

мимо ящика с болтами макулатурой, я вытащил кипу тетрадных листов.

«1992 год.

5.09. Вчерашней ночью утихла буря. После чертовки будет сложно использовать вышки, но я... (неразборчиво)... От него новостей ещё нет.

8.09. Проходил мимо лестницы на третий, и оттуда будто повеяло смрадом сквозь противогаз! Кукуха, наверное, поехала, но я даже слышал их голоса!

13.09. Катя... (неразборчиво)... Милая, да упокой твою душу господь, я не могу и взглянуть на тебя, не то чтоб похоронить по-людски!

21.09. Не помогает этот циклосерин...»

Чем дальше шли записи, тем больше приобретали неясность – мужчине было тяжело писать. Тем не менее эти малочисленные строки вносят немного ясности: погибший знал о смотровых вышках и, возможно, был инициатором моста меж крышей и платформой, но как же тот, расстрелянный из участка? Он как-то связан? Отложив записи, я продолжил шарить по бумагам и скоро вытащил из-под очередной стопки толстый прямоугольник кожи. Планшет с клапаном-замком, отщёлкнув который на меня из-под прозрачного защитного листа взглянула карта Ханты-Мансийского округа.

Радость и надежда. Именно это мне принесла пожелтевшая находка, разглядывая обозначения и рукотворные заметки которой, я почувствовал себя маленьким ребёнком,

завидевшим на зимней прогулке прекрасного бельчонка! Так же неподвижно и с неподвластным интересом я рассматривал объект своего вожделения, оторваться от которого всё же пришлось. “Уже наверняка ночь и надо скорее заканчивать.” – Уговаривал себя. – “Времени навалом, ещё налюбуюсь!”.

Впихнув планшет за пазуху, я встал со стула. Хруст. Под ногами разломилась пластиковая упаковка из-под кассеты. “Кассета?” – Произнёс я внутри и с секундным осознанием заметался окуляром по кабинету, что оказалось не безрезультатно – у матраса, на котором сидел погибший, лежала, слившись с окружением, серая коробочка с красным прямоугольником в углу: «Десна».

– Не могу больше писать... – Закашляли динамики диктофона. – Этот чёртов туберкулёз (кашляет) не даёт мне покоя! Руки трясутся, как у заядлого пьянчуги, слабость ног не даёт спуститься вниз (кашляет)... Помню, у одного парня из участка был подобный кашель... Говорил, мол, выпил циклосерин и жизнь в радость, но я, сука, пачками жру это дрянь! – Динамики, не выдержав кашля, захрипели. – На днях по радио наткнулся на трансляцию одного мужика, твердил родом из Нижневартовска... в посёлке Аган остановился, переживших там, мол, куча: около полусотни. Помощи гуманитарной просит, а я ему чем подсоблю? Горстью гречки, что мне на день осталась? Флаконом зелёнки (кашляет)? Представился ещё так странно... библейски. – Се-

кундная тишина. – Аристарх что-ль (кашляет)? Как надоело это всё... Жизнь эта трусливая, погонь я этакая! Дорого себе человека похоронить не могу! – Раздался взвод курка. – Подлец чёртов!

Диктофон подпрыгнул от звука выстрела и замолк окончательно. Я сидел неподвижно ещё со слов о мужчине с библейским именем и долго не мог переключиться на произнесённое после. Наступившую же вновь тишину разряжало только прерывистое сопение резинового намордника.

Могу ли я принять услышанное за чистую монету? Имеет ли смысл придумывать байки умирающему человеку? Дата записи выходит на начало осени, а отец ушел в конце весны прошлого года: он всё это время помогал какому-то поселению!? Когда *здесь* погибала **его** семья!? “Нет, нет, нет...” – Развернул я карту в поисках того посёлка. – “Это на северо-западе отсюда, на краю одноимённой реки... Туда несколько дней всего добираться, почему он не вернулся?”. На частотах можно транслировать любую запись, сделанную даже годами ранее. Отец посетил Аган, какого-то чёрта записал это сообщение для трансляции, и потом с ним что-то случилось – я так полагаю?

“Чёрт!” – Опустил я планшет. – “Своими доводами я ничего не добьюсь!”

На обратном пути, пробираясь через промышленную зону, я наткнулся на стаю диких собак. Скользнув под кучу паллетов и стиснув рукоять револьвера, мне оставалось только

податься ожиданию, благо фонарь был заблаговременно выключен ещё после выхода с исполкома. Ночные животные, разинув пасти с языками, хаотично двигались в своей стихии вдоль железобетонного забора ромбиком, а за их редкой, собравшейся патлами шерстью выступали рёбра, полные кровоподтёков.

– Даже эти божи создания бредут бок о бок в *такие* времена. – Говорил о собаках дядя. – А человек с величаем нравственности встанёт против своего же брата...

Возвращаясь с совместных вылазок, мы с дядей частенько сокращали лесами. Был случай, как даже не ночью, а только расходящимся вечером на нас вышло несколько сих особей:

– Любо, что не гадские волки! – Отрезал дядя, шмальнув из вертикалки по земле, отчего скулящие создания пустились в рассыпную. – Были б волки, то напали б и после сего манёвра! Псы ведь как? – Трусливы, не меньше нашего.

***

Окраинный дворик, новоиспечённые могилы. Серенькая коробочка на одном из холмиков не осевшего грунта. Парень, державший противогаз с новой подделанной линзой.

Он думал об отце.

Ему не давала покоя мысль, что его отец помогал незнакомому поселению в то время, когда на руках сына погибала его супруга – человек, дороже которого никого нет. Его лучший друг, испуская душу, выл о том, что не смог выполнить своего обещанья в защите его семьи. Аристарх бросил семью

ради чего? Ради лекарств... или это был просто повод?

Поправив вещмешок со скромным провиантом на неделю, парень покинул окраинный двор. Он ничего не понимал, но знал. Знал, что новообретённая цель стоит перед ним ясно и чётко – отыскать отца, живого или мёртвого.

Глава II

День первый

По глубокой луже вдоль грунтовки пробежали кружки. Присев у края тропы, я с пристрастием уставился на водомерок. В ожидании съедобных мошек они совсем наплевали на радиоактивную пыль, что еле различима с грунтом в этой местности, на подающую признаки жизни вокруг хвою, коей места нет в окрестностях Нижневартовска. Я никогда не видел подобного, как далеко не завела б моя вылазка. Думал, что редкая рощица пред домом – наилучший вид сохранившейся природы, но нет... Просто шёл не в том направлении? Значит, где-то там, на севере, сохранилась эпоха, считаемая мной *прошлой*? Я оглянулся назад. В сторону чёртового города, что погубил слишком многое.

“За что?” – Захрипело внутри. – “Что за причина, оправдавшая насилие над природным великолепием? Чем бедная осина насолила *вам*? Река Обь, что *вас* кормила? Земля, *вас* приютившая? Разве всё это виновато в *вашем* эгоистичном факторе?”

Раздался сухой кашель.

Пару дней назад взмокшее седалище всё-таки дало о себе

знать: жар бил всю ту ночь. К счастью, на утро он сменился ознобом, а вскоре и он сошёл на нет, но кашель! Кашель терзает по сей день.

Через пару-тройку километров грунтовки, ибо рискованно было соваться на шоссе, показался первый ориентир, знаменовавший начало моего пути – Мегион. Город у реки Обь, издали схожий со своим соседом Нижневартовском такой же жуткой пустотой, но... он, в отличие от него, будто застыл в прошлой эпохе. В прошлой ли? Нетронутые дворики, немногочисленные, сокрытые серым автомобилем, словно просто дожидаются своих хозяев. Вороша не столь обильную серость улиц, я задумался: “А видел ли вообще Мегион ударные волны? Болезнь с голодом, жуткое пламя бунтовщиков?”. Вероятно, это прозвучит глупо, но снимите эту серость осадков и получится иллюстрация из книги про счастливую жизнь советского человека!

Из скромного здания местной аптеки я вышел ни с чем. “И на что я рассчитывал?” – снова спросил я себя и направился к ближайшему подъезду. Подобные мероприятия рутинны и по большей части бесполезны, но порой приносят и свои плоды: в одной из коммунальной кухни, под тумбочкой оказалась на треть пустая пачка «Мукалтин».

Перед уходом в тени леса, где пролегал мой маршрут далее, я оглянулся. Не смотря на тихий и спокойный приём этого городка, он не переставал казаться жутко пустым, а даже наоборот. Его умиротворённость ещё более насторажива-

ла и отстраняла. Я решил исчезнуть, подумав, что попросту оправдываю свой уход, причина которому – движение вперёд. Движение в хвое, не давшей вылезти и после заката.

Тишина. Она была везде: и внутри, и снаружи. Я долго сражался с сорняками мыслей о Мегионе, когда расставлял примитивную сигнализацию из мусора, обустроивал место ночлега и готовил дрова, но окончательно сразить бестию вышло только после остановки. Я сидел у ствола пихты и рассматривал звёздное небо, поддавшись ласковому ветерку и потрескиванию поленьев. Подсобрав на старом спальнике ноги, я понял, что такому редкому ныне уюту не помешает ни середина ноября, ни то, что всего в сорока километрах возвышается радиоактивных некрополь. В руке произвольно оказался дозиметр, табло которого указывало: «*0,37 мкЗв/час*». “Без выхода за норму.” – Рассудил я и взглянул на подвешенный армейский котелок с закипающей кашей. За ним на голой земле сидел силуэт.

– Не думал, что ты покинешь *наш* дом. – Сверкнул багрянец.

Я не был готов к контакту с ним после всего случившегося и даже не мог подумать, что он пойдёт за мной, но раз он здесь... «*Не могу назвать то место домом*» – Вывел я в дневнике из-под спальника.

– Из-за смерти близких? – Спросил тот риторически. – А как насчёт меня? Я для тебя какая-то игрушка?

Я безынициативно покачал головой. Или мне так показа-

лось.

– Помню твои глазки горошины при нашей первой встрече. – Добро усмехнулся собеседник. – Глупо было скрывать страх, я вижу людей насквозь. Понимаю эмоции, переживания. Вижу цели да намерения.

Отложив растрёпанную книжку, я аккуратно снял с костра котелок и взялся за ложку.

– Замечу. – Поднял свой чёрный палец неугомонный. – Твои действия подданы чувствам и ожидаемы. Если бы не детская любовь к отцу, не стыд перед ним, ты и задумываться бы не стал о подобной аванюре!

От каши исходил вкусный аромат, так и не терпится попробовать!

– Неужели ты на что-то надеешься? – Развёл руками зелёный слоник. – Прошло ведь года полтора, наверняка кости Аристарха, где бы они не были, обгладывают давно крысы! Возвращайся, пока не поздно! Не ищи погибель, как папаша.

Избавиться от его пустомельства – заветная мечта. Зачем вообще эта псина, преступившая рамки морали, увязалась за мной? На что я ему?

Воображаешь, как всегда? – Фыркнула морда. – Убрать меня вздумал?

Я и не заметил, как котелок с прибором заменил лежащий в спальнике Наган. Раздался глухой взвод курка.

Что же, мой дорогой друг. – Встал ненавистник на ноги. – Надо и честь знать!

В след ему сверкнули пламенные искры: костёр с наслаждением принял новое полено. А я с упоением положил в рот ложку горячей каши.

День второй.

Утренняя морось. По защитному листу карты скатывалась влага, а я, засев в рытвине у шоссе «Сургут-Нижневартовск» сверял свой маршрут, следующий пункт которого находился аж в ста километрах от прошлого. Сотня тысяч шагов через леса, овраги и редкие рощицы.

К полудню, выйдя из лесу в хвойных иглах, грязи и поту, я рухнул наземь пригорка. На пелену жухлой травы, показавшейся утопающе мягкой периной, с которой тяжело подняться даже по истечению получаса! Тогда, разводя сонные от дремоты веки, заспанный парень не сразу и заметил, что на низкую ветвь можжевельника напротив села невероятно красивая птица. Заметный хохолок, розовато-серый окрас, грация отточенных движений. Парень успел уловить лишь последние секунды поиска ягодки и начало стремительного полёта, но ему хватило б и тысячной части от произошедшего.

Улыбка не сходила весь оставшийся день. Не сошла и вечером, когда за перелеском открылись топи невиданных конца, о переходе которых не шла и речь. Это не то чтобы опасно, но может занять невероятное количества времени, коего в распоряжении крупницы.

“Плевать!” – Не сошла с лица улыбка. – “Пойдём по шос-

се!».

День третий.

Почему я раньше не двигался по шоссе? От малозаметной дрожи страха, что топчу землю не один и в любой момент могу оказаться на мушке самопала или с огромной шишкой на лбу в канаве? От нежелания встретить незнакомых мне людей, понять сущность которых в нынешних реалиях невообразимо?

«Боюсь не дойти до отца.» – Вывел я карандашом в дневнике, собираясь выпить последние таблетки «Мукалтин». Вероятно, преувеличиваю, но каждый человеческий страх может порой занять одну из ключевых ролей в истории.

Путь пролегал чрез таёжную речушку, посреди единственного моста над которой зияла брешь. Проблем она не доставила: бетон крошился от любого давления на оставшейся метровой тропке, но берцы то увидели противоположный берег! Дело в том, что разрушения вовсе не от ядерной боеголовки – эта могла быть авиабомба. Одна она быть не могла, следовательно, мост – часть воздушной атаки в рамках наступления? Я не слышал от переживших про военные действия до термоядерного конфликта, но их наличие на глаза: разрушенный мост, блокпост на дороге далее.

Блокпост.

Завидев укрепления на подъёме шоссе, я тут же спустился в ближайшую канавку у бетонки. За металлическими ежами с колючей проволокой для остановки техники шли дзоты

с перекрывающими шоссе стрелами шлагбаумов. “Серьёзная защита.” – Размышлял я. – “Зачем *так* перекрывать бетонку? Неужели догадки о военных действиях имеют место или это предосторожность? Защита какого-то стратегического объекта или структуры? Но от кого?”.

Заградительный пункт оказался брошен, что неудивительно, давно. Пустые, развеваемые ветром палатки уже не содержали в себе солдатских подразделений, не было нужды в закрытом брезентом автомобиле на краю территории, в дополнительном укреплении офицерского штаба с потрёпанным флажком на макушке, внутри которого, на удивление, оказалось не так заброшенно. Радио на книжной тумбе, кровать с подвешенной над ней гитарой, нескромная мебель – только слой пыли говорил о возрасте используемого, как и скрученное ёжиком тело за ящиком у входа. Заветшалый солдат закрывал натянутый тонким череп так, словно не желал, чтобы его увидели...

– Я не хочу, чтобы ты видел меня такой... – С тяжёлым хрипом закрывала лицо матушка. Её руки, как и вся кожа на теле, была усеяна язвинами, и лишь проблеснувшее кольцо на безымянном пальце напоминало, что жизнь прожита не зря. Мы все понимали, что осталось недолго. Наверняка понимал и отец, ценя кольцо и на своём безымянном пальце, кое перекрывало старую наколку.

– Какой бы не была, – Раскрыл я её руки. – ты остаёшься моей мамой. И раз на нашем пороге уже давно сопит смерть,

пускай последнее, что ты будешь видеть, будут лица твоих близких!

Присев на корточки, я заметил какую-то смятую пачку под застывшим рукавом советского кителя. «Димедрол» – Гласила надпись. “Здесь наверняка должен быть медпункт.” – Подумал я, вернув солдату его погибель. – “Либо пропустил, либо еще не дошёл.”

Завернув за угол, я действительно наткнулся на неприметную бледно-зелёную палатку с облупленным красным крестом на брезенте. Она была куда меньше офицерской, отчего и заметить её с той стороны было практически невозможно. Внутри, прямо у входа меня встретила перевернутая столешница. Чуть дальше расположилась койка, а левее от неё раскученная тумба и вскрытый ящик. Пол был усеян опустевшими пластинами, грязными бинтами и прочим мусором. Перебравшись через покосившиеся ножки стола, я пробрался к ящику, приподняв его крышку. Он был на три четверти пуст. Лекарства, лежавшие на дне, напрочь отсырели. Колбы «Кальцекс» разбиты, а таблетки внутри крошились при малейшем касании. Всюду была рассыпана и борная кислота, пачки которой были разорваны или вскрыты. Отряхнув от порошка и пыли уцелевшие бинты, я сложил их в сумку. Также удалось отыскать целую пачку препарата, облегчающего течение простуды: «Аксифен».

Выйдя к обочине, я взглянул на автомобиль под брезентом. Это был тёмно-болотный «ГАЗ-69», называемый *Коз-*

ликом из-за движения скачками. Чуть завалившись на бок из-за пробитых колёс, старичок мирно дремал, укрывшись плотным пледом. Беспokoить его я не стал. Пройдя все укрепления по противоположной стороне, я чуть углубился в хвою и на расстоянии десятка шагов, держась дороги, двинул далее по маршруту.

Взобравшись на небольшой холмик через тройку километров, я наткнулся на странную картину у опушки. Передо мной, будто на кочке, лицом вниз лежало массивное тело мужчины, присыпанное жухлой листвой. Ухватившись обеими руками за окаменелое плечо, я развернул его на спину, тем самым опрокинув с кочки. Вот только вместо ожидаемой кочки, я увидел перед собой еще одно тело, чьи опустошённые глазницы глядели высоко в небо. Это были солдаты. Первый, грузный, судя по фуражке и отличительному знаку в виде красной звезды и одного треугольника ниже чуть выше манжеты кителя, ходил в звании командира отделения. Второй, со сбитой пилоткой и характерной повязкой с красным крестом на плече, был санитаром. “Каждый из них.” – Подумал я, вглядываясь. – “Застыл в момент своей смерти.”

В правой руке санитара намертво засел, давно проржавевший, пистолет Токарева. А в сердце, словно давно забытый в стволе древа топор, твёрдо стояла рукоять ножа. У командира же, параллельно наплечной кобуре слева, располагалось отверстие. Я взял Наган в правую руку. Положив его ствол на ладонь левой руки и тем самым показав себе боковую

часть револьвера, я бесцельно взглянул на него. Форменный кусок стали. Кусок, созданный человеком для уничтожения себе подобных. Созданный для защиты и нападения. Мою голову начали посещать различные мысли. Не успевая развить одну, я сменял её совершенно другой, заменяя последующую снова. Так я и стоял. Неподвижно и озадачено. “Это глупо.” – Через какое-то время буркнул я у себя в голове. Мой взгляд, провожая револьвер, поднялся на небо в поисках солнца. Оно на одну четверть приблизилось к горизонту.

***

На пыльный, проржавевший капот 402-ого Москвича села осторожная птица. Чёрный с металлическим отливом окрас не сильно выделял её среди вечерней погоды, а торчащая борода на горле и длинный тёмно-бурый клюв делали птицу узнаваемой. Простояв с минуту, она сделала пару прыжков и взлетела в направлении хвойного леса. Сидя на водительском месте так, что ноги стояли на асфальте, я снова уткнулся в планшет с картой.

На шестом десятке километров от Мегиона, на перепутье, находились строения, которых не было у меня на карте. По их периметру, исключая постройки у въезда, шёл бетонный забор с колючей проволокой. Ближе к дороге стоял КУНГ, перед которым расположились металлические заграждения. Возле них, на обочине и даже посреди дороги стояла брошенная техника. О знаках обозначения и речи не шло.

“Все это явно носило военных характер.” – Думал я, рас-

смаатривая это место с пригорка. Мнения я не поменял. Более того, считаю, что ранее посещаемый мной блокпост определённо связан с этим местом. А раз оно нуждалось в подобной защите, то и какое-либо его присутствие на карте невозможно.

Оставляя краткие сноски на карте, я и не заметил, что, облокотившись на крыло Москвича, все это время за мной наблюдал человек в плаще.

– Решил устроить себе привал? – Немного погодя, начал он. – Я думал ты твёрдо намерен отыскать отца в кратчайшие сроки.

Я ничего не ответил, продолжая отмечать размышления.

– А ты тут рисуешь крестики-нолики да птиц пугаешь. – Развернувшись ко мне боком и положив руку на крышу, продолжил собеседник.

Облокотившись плечом на спинку кресла, я вздохнул и положил планшет на колени в ожидании очередных доводов психопата.

– Да ты, я смотрю, заблудился! – Резко усмехнулся псих. – А я-то думаю, чего ты в карту уткнулся, как дитё в титьки матери, да потерянный весь сидишь.

Он, было дело, тихо расхохотался, но тут же замолчал. Я, даже не удостоившись привстать с водительского места, направлял на него Наган.

– Да брось. – Проговорил он. – Мёртвый номер. Не станешь же ты тратить драгоценные патроны на не менее дра-

гоценного товарища?

Если с последним утверждением я бы явно поспорил, то насчёт первого он подметил чертовски верно. Каждое нажатие спускового крючка – осмысленное и бесповоротное действие, которое должно либо навредить, либо отсрочить этот вред. Сейчас, очевидно, не тот случай, но дрейфить я не собирался. Прозвучало отчетливое взвешивание курка.

– Фальшь. – Донёсся едва слышимый голос из противогаза.

Как из-под палки, но это снова сработало. Разворачивая планшет снова, я лишь видел медленно удаляющийся в тени сосен и подхватываемый ветром подол его плаща.

“Да ты, я смотрю, заблудился!” – Так он сказал? А что если это вправду даже на часть? Дабы вернуться на прежний маршрут мне, в любом случае, необходимо преодолеть строения. Тут или идти в обход, что опять же неизвестно сколько времени займёт, или идти напрямую через каменное кладбище, что может оказаться достаточно опасным. *«Как поступить?»* – Невзначай вывел я на карте, постукивая обратной стороной карандаша по краю планшета.

***

Выглядывая из кювета, растрёпанный временем «Зил-157» провожал взглядом неброского парня, который медленно двигался среди металлических ежей, оглядываясь по сторонам. Огибая перевёрнутый тяжёлый мотоцикл с коляской, я вышел к военному фургону. Он стоял на деревян-

ных балках и кирпичах, местами превращенных в крошку, отчего КУНГ косило в сторону.

Помню, как дядя Миша принёс домой военную энциклопедию, и мы вечерами, сидя у крыльца с фонариком, разглядывали её. Эта толстенная книга подарила мне немалый пласт знаний о военном деле былой эпохи. В этой книге было написано, что закрытый кузов-фургон использовали для размещения мастерских и различных аппаратных в полевых условиях, но и применение не по назначению было частым явлением.

Металлическая дверь с пронзительным скрипом отворилась, высвобождая многолетнюю пыль. Часть помещения сразу окутал солнечный свет ярко-оранжевого оттенка. Среди безмятежно плавающих в воздухе частиц по центру фургона стояла печь-буржуйка. Поодаль устроился стол, шкафчик над ним да две скамьи по бокам. “Частое явление. Вынесли всё заводское оборудование и усадили на грузовик как дом на колёсах” – Шёпотом говорил дядя Миша, страшась разбудить матушку за окном. – “Помню, когда был сильный мороз на полевых, мы с парнями в армии забирались внутрь таких махин греться. Делали это, конечно, и с помощью печки, и с помощью горячительного”. После этого он тихо смеялся и переворачивал страницу.

От света фонаря где-то проблеснула паутина, а частиц в воздухе будто стало больше. На столе за печкой, куда неаккуратно падала громоздкая тень, показалась какая-то кар-

тонная папка. Зайдя внутрь, я упёрся свободной рукой в обшивку и сел за стол. Скамья подо мной жалобно взвизгнула, а КУНГ за компанию решил чуть покоситься в знак приветствия. Жестяная лампа на столешнице решила не отставать и камнем свалилась на пол. Я чувствовал себя великаном, будь то Голиаф или Хрунгнир, уничтожающим вековые устои человечества.

Сдунув пыль с картонки, я вытащил рассыпающуюся нить завязки и поднял титульный лист. На меня смотрела куча истлевших документов, прочитать содержание которых вряд ли выйдет. Чернила совсем высохли и сильно деформировали текст. “А на что я, собственно, рассчитывал?” – Выключив фонарь, в какой раз подумал я. С нежеланием тратить время в пустую я вздохнул и привстал со скамьи. Нежданно раздался глухой треск где-то снаружи и КУНГ, чуть качнувшись, провалился наземь правой частью. Я, не удержавшись на полусогнутых ногах, ухватился за столешницу и повалился вместе с ней и прочим мусором, включая макулатуру, на стену из фанеры.

Под угасающим, но всё ещё ярким солнечным светом, я, не отряхнув едва и всей одежды, стоял снаружи и увлечённо рассматривал документ, прицепившийся к кожаным брюкам во время погрома. Читабельной была только часть:

«ПРИКАЗ

Министерства внутренних дел Союза ССР

№ 12

16 Февраля 1987 г. г. Сургут

Согласно протоколу №8 об «Срочной эвакуации высокопоставленных личностей в предназначенные места дислокации при чрезвычайных ситуациях» от 27.04.1985 г. Объявляю указ срочно прибыть всему составу высокопоставленных личностей, включая вооруженные силы, объекта «Белка-3» в Сургут для дальнейшей организации эвакуации. При сопротивлении гражданских лиц применить всевозможные гуманные методы.

Член Министерства внутренних дел Союза ССР

Генерал-майор РУБИЦКИЙ А.И.»

Занимательно. Судя по написанным здесь датам, указанный протокол и сам приказ были составлены намного позднее катастрофы. К довершению всего, в то время в Нижневартовске, находящемся от Сургута всего в нескольких сотнях километров, еженедельно погибало огромное количество людей, будь то от голода, разразившейся хвори или же лучевой болезни. Так что это либо чья-то неудачная шутка, во что я с трудом могу поверить, либо наше так называемое “правительство”, затаившись как крысы, всерьёз решило добить и так никчёмно малое население своей страны. Не говоря уже о помощи гражданам, оно даже не попыталось подсобить муниципалитету или наладить с ними связь! При одной только мысли о их эгоизме меня бросало в сильный тремор. Я не мог себе и представить, что, имея возможность восстановить прежний мир или заложить фундамент для будуще-

го, они выбрали свои задницы и чёртовы шкуры приближённых! “Невыносимо!” – Рявкнуло внутри.

Солнце стремительно гасло. До полного его ухода оставалось примерно полчаса и рациональным решением было бы устройство ночлега, но, стоя вполоборота посреди дороги, я даже и не думал о подобном. Каменный некрополь неистово разжигал во мне прежнее желание отыскать прошлое, что рвало меня на части. Я отлично знал, что мне нужно отдохнуть и, взвесив всё, выдвинуться дальше, но намного лучше я знал самого себя. Заснуть этой ночью мне не даст вспыхнувшее жерло.

Пыль окутала ступающие за бетонной оградой берцы. Состояние встречающих меня построек и их строгое расположение напоминало Мегион. Знакомая застывшая в прошлом пустота уже не пугала так сильно. Наоборот, она украдкой цеплялась за искорку внутри и робко тянула на себя. Ощущая эту хватку, я с осторожностью двигался по заросшему тротуару. “Не будет поздно ли вертать через мгновение?” – Коря себя за безрассудство, думал я. Это внутреннее беспокойство развеивала лишь уверенность, что принятое решение позволит мне довольно быстро пересечь объект и заиметь хоть крупицу былой истории этого места. Главное – держаться центральной дороги.

Вокруг царил *силенициум*. Я видел подхватываемые ветром частицы пыли и мелкий мусор, но не мог ощутить ни телом, ни слухом самих потоков воздуха, будто оглушенный. От до-

роги, скрываясь в тени, отходили манящие улочки. Видимая их часть, как и основная дорога, не скрывала даже малейших заграждений и намёков на беспорядки. Не было видно и тел.

– Удивительно. – Раздался глухой голос позади. – Поражен гуманностью здешних солдат.

Развернувшись, я чуть скривил лицо в недоумении. На расстоянии десяти шагов мирно топал сомнительный напарник. Было видно, что он заметил моё выражение и, подобравшись ближе, продолжил мысль.

– Вместе с эвакуацией *«высокопоставленных личностей»* они забрали и работяг. Не вижу доказательств обратного.

“Рано ещё делать выводы.” – Подумал я, отрицательно качнув головой. В ответ собеседник молча пожал плечами и кинул кистью в сторону тротуара дескать “Двигай дальше”. Странно, что он соизволил сопроводить меня, но это и к лучшему – вдруг что непредвиденное.

Через несколько зданий центральная дорога сворачивала влево, огибая, видимо, впередилежащий квартал. За поворотом, издали, на краю следующего, меня ждала необычная картина – угол дощатого здания был пробит грузовиком, который служил опорой для накренившейся и чуть обвалившейся крыши. На подходе, натюрморт стал обретать новые краски: сползающая крыша упиралась лишь в кабину грузовой машины, прижимая её к земле; сам грузовик был такой же, что и у въезда, за исключением кузова. Он отличался тентом, покрывающим дуги, и содержимым, треть которого

мешалась под ногами. Это были металлические размером с локоть баллоны.

– Фосген. – Рассматривая на корточках один из баллонов, произнёс спутник. – Ставлю банку консервов, что это дрянь какая. Иначе зачем хранить подобным образом?

Подкатив ногой один из них, я принялся рассматривать диковину. Повидавший многое, толстенный металл цилиндра покрылся коррозией, а через дыры защитного колпака проглядывался вентиль. Была и деформированная надпись: «P-10. Фосген». Вполне предсказуемо всплыл вопрос: “Что это?”. На ум не приходило и малейшего упоминания или схожего названия из той же энциклопедии. Покачав головой, я взглянул на попутчика, чья фигура постепенно растворилась за кузовом. Его довод о содержимом весьма правдоподобен, но одного его недостаточно.

С трудом, но дверь кабины поддалась, чуть отпружинив в конце. Луч света пробежал по сгнившему салону. Водительская дверь выходила в помещение дощатого здания и была открыта настежь, за рулём никого. “Так водитель выжил?” – Подумал я. – “Либо его тело кто-то выволок...”. Товарищ интенсивно что-то разыскивал в кузове, временами раздавался шорох и лязг металла. Неужели он собрался чем поживиться или в голову пришла какая мысль? В любом случае отвлекаться я не стал, улицу покидали последние отблески солнца. Ухватившись за раму кабины, я взобрался внутрь. В тот же миг отскочила крышка бардачка, выставляя

скромную коллекцию прошлого владельца: измученный тюбик, мятый целлофан и пару гаек с остатками изоленды. Положив последнее в карман брюк, я откинул водительский козырёк. Из-под ссохшейся резинки на меня смотрел сложенный пакет бумаг. Развернув его, я посветил на первый лист:

«20 февраля 1987 г.

НАКЛАДНАЯ № 42

Кому: Старшине Наумову А.Е.

От: Ст. Сержанта Варнакина В.И.

№ п/п 1 Наименование: Цинк с патронами калибра 7.62x39 / 660 штук в количестве: 6;

№ п/п 2 Наименование: Цинк с патронами калибра 7.62x54 / 440 штук в количестве: 2;

№ п/п 3 Наименование: Баллоны Р-10. Фосген в количестве: 68;»

Без размышлений я вытянул второй лист:

«ПРИКАЗ

КОМАНДИРА ВОЕННОГО ОБЪЕКТА № 71 «БЕЛКА-3»

№ 24

18 февраля 1987 г. ХМАО – Югра

В связи с приказом министерства внутренних дел союза ССР № 12 от 16.02.1987 объявляю общий военный сбор с присутствием высокопоставленных личностей у восточно-го блокпоста в ночь 20.02.1987. Гражданских лиц не информировать! В ином случае нам не миновать взбунтований и применения ...»

Грохот. Металлический лязг, исходящий из кузова, неуловимой вибрацией пробежал по обивке и сменился жутким свистом. “Да чтоб тебя!” – Рывкнул я внутри, сминая пакет в карман бушлата. Собравшись пресечь товарищеское буйство, я спрыгнул наземь, и меня тут же смяло в дверцу грузовика. Налетевшая туша разом распоролла куртку от плеча до пояса, лопнула лямка вещмешка. Оторопев, я не сразу принялся сопротивляться, но, спохватившись, оттолкнул неведомую тварь. Та не успела и упасть, как на меня с чудовищной прытью сиганула её подмога. Петли явно не были готовы к такому натиску, дверца рухнула навзничь.

Сдерживать зверюгу не удавалось – вырывалась из любого хвата. Приходящий в действие оскал так и норовил вцепиться куда глубже. Сопротивляясь каждый раз, я не забывал и о подруге, вот-вот очухавшейся. *Здесь либо я, либо меня.*

Вновь оскал, рывок. На этот раз искрящая пасть принимает не пустоту. Свет стремительно теряет яркость, судорожно мигает – рукоять фонаря звонко трещит. С таким же успехом раздался животный взвизг от вогнанного в зверя обломка шифера, попавшего под руку. Я понимал, что этого будет недостаточно. Животина тотчас опомниться и нанесёт ответный, а то и смертельный удар. Однако мне хватило и мгновенья. За звонким щелчком курка раздался выстрел.

***

Прижав к груди суму, я проскакивал один переулок за другим. Ноги в потёмках то и дело заплетались от любой га-

дости. Порой не было видно и стены пред носом, не то, чтобы сориентироваться в направлении.

В вспышке выстрела блеснул зверь. Буквально на долю секунды, но отчетливо и ясно. Его серо-бурый мех, свисающие бакенбарды и колыхающие ветром кисточки на ушах. Это была рысь. Крупная и довольно коренастая.

За очередным поворотом я скользнул в тупик: бывший дворовый садик с дощатым забором, наверняка какой бабули. В висках стучала кровь. Погони я не слышал, но шкурой чувал, что медлить нельзя ни минуты.

Местность окутала чуть осязаемая дымка, стоял запах прелого сена и пороха. Со стороны кузова, где растворился спутник, вздымался хищный силуэт вдвое боле нападавших. Рысь, что выжила, едва очухавшись, заспешила к нему, словно чуя безопасность. Неужто вожак? Окинув взором происходящее, он уткнулся в меня без желания. Его глаза не искрили, в них не было стремленья убивать. Они будто размышляли.

За забором я провалился по ощущениям в канаву. Под ногами местами что-то с треском разламывалось, прохрустывало, где-то берцы проседали в жижу. Всё это напоминало трясину, но откуда ей взяться в таком месте? Я достал старый бинт и поджёг. Этого хватит на секунды, но лишь бы увидеть!

Рокот. Металлический баллон грохнулся о бетон. Защитный его клапан раскололся, оголяя вентиль, который мгно-

венно оказался сбит. Раздался жуткий свист. Вожак не повёл и взглядом, всё так же вперившись в мой лик. А вот из-за его спины выступила тень. И не одна. На контрасте сгущающейся дымки их глаза искрились куда иначе лидерских: пустые и жаждущие. В голову ударил импульс. Пазл собрался воедино, я всё понял. Причина сей заварухи – рыси. Учувя чужой запах, они настигли его, когда я был в кабине. Часть нырнула в кузов и зацепила баллоны, содержимое которых послужило источником дымки. Оставшиеся же двинули дальше и вышли на меня. “Стоп” – Ёкнуло внутри. – “В кузове же был напарник. Что с ним стало? Почему он не предупредил меня? И этот сжиженный газ. Он же дал лишь запах прелого сена и не более. Зачем такую безделушку перевозить на военном транспорте?”. Да нет же, здесь не всё так просто. Абстракцию бы да переосмыслить выдуманное. Жаль жаждущие другого мнения. Времени не теряли – окружили, перекрыли все пути отхода. Скалятся.

Это был хруст костей. Я стоял посреди тел. Посреди оврага тел, который наверняка был вырыт руками солдат под лозунгом *всевозможных гуманных методов*. Они не удосужились их даже закопать. Закопать тела соседей, товарищей. Тела своих родственников. Что произошло с этим блядским миром? С этими животными под названием люди?

Дальше всё происходило слишком быстро. Бестии уже предвкушали победу, но оно и ясно – противопоставить им было нечего. Нож не выхватить, в револьвере два патрона,

да и смогу ли я что сделать против стаи? Победитель был предначертан и обе стороны это понимали. Различие лишь в самомнении. Последний вздох, пыль из-под берца. Скользнув через кабину грузовика в помещение, я навалился на оставшуюся ЗиЛ'овскую дверь, которая тотчас содрогнулась под ударом разъярённого зверья. В одночасье грянул треск. Животное месиво отрывало и перемалывало доски образовавшегося после столкновения разлома в здании. Часть пыталась пробраться под кабиной, но тщетно: там не пролезть и собаке. “Бастион защищает.” – Начал я рассуждать в попытках выровнять дыхание. – “Однако убираться следует прямо сейчас. Гибель не миновать, потеряй я преимущество во времени.” Решение не заставило себя долго ждать. Из конца прилегающего к помещению коридора стрельнул отблеск лунного света. Это было окно.

День четвёртый.

– Хищники не люди. – Остановился отец. – Они не повернут вспять после первой же ошибки. Будут идти до конца, наплевав на твои амбиции.

Хотелось было возразить, но в коридор вошёл дядя, подхватив услышанное.

– Правильно ты, Аристарх. Они ведь ещё изголодались поди. Выйдут к окрестностям города, начнут охотиться наравне с нами...

– А то и на нас. – Перебил его отец.

– Так что оставайся сегодня с матушкой, парень. – Хлоп-

нул меня по плечу дядя и взял от стены свою вертикалку. – Пойдёшь с нами в другой раз, лады?

Мне ничего и не оставалось. Двух мужчин, всё удалявшихся от дома, провожал лишь взгляд озадаченного парня. Мама на днях подхватила хворь и спала, не в состоянии проводить мужа и его товарища. Обычно я тоже с ними уходил. Но будто по расписанию, раз в неделю, совместная вылазка становилась невероятно опасна по причинам, ранее не волновавшим. Ищут чего опасное? Или уже отыскиали и пытаются предостеречь? Быть может встречаются с кем, о ком знать не следует?

“Подозревать родных людей – дело скверное.” – Подумал я, запирая дверь на засов.

***

Вода начинала закипать под тихий треск костра. Пожирая всё новые порции сушняка, огонь благодарил теплом, которого так чертовски не хватало прошлой ночью. Миновав каменный некрополь, я брёл в неизвестном направлении ещё несколько часов, пока в край обессилив, не свалился в ложбинку под корнями сосен и не проспал до полудня. Злополучная стая после случившегося видимо не смогла взять следа вновь. Другого объяснения я не вижу, раз смог выжить без банальной сигнализации, очага и готовности среагировать при малейшей опасности.

На обезображенные лоскуты бушлата ложился неуклюжий шов из остатков нити. Надолго его не хватит, но по-

жить чутка успеет. Куда больше повезло даже не вещмешку, лямка которого была перевязана узлом ещё по дороге, а пакету. Будучи втрое сложенным в грудном кармане, он превратился в оригами. От того же приказа остались лишь вырванные из контекста слова. Но даже из них мне удалось понять хоть крупицу непрочитанного. Крупицу, которая вызывает страх и продолжает выворачивать нутро хвалёного правительства...

Металлические баллоны «Р-10. Фосген» содержат ядовитый газ.

Гибель белки. Кружа в котле, чабрец уже отдал напитку все свои свойства, пока я пытался выстроить предполагаемую хронологию событий.

Эвакуация буржуев всё же состоялась и, скорее всего, успешно. Провожавший их восточный блокпост спустя пять лет встречал гостя в вполне хорошем состоянии. Следов бунта не было, но их наличие доказывает другое: поставки вооружения и ядовитого газа. Несчастный грузовик определенно был не единственным, а открытое захоронение говорит о применении этого дерьма. А может взбунтований и не было вовсе? Они посчитали, раз эвакуации достойны лишь птицы высоко полёта и их шавки, то остальные люди – это чернь без будущего? Да кто они такие, чтобы решать судьбу!? Это живые, мать его, люди!

***

Восстановить маршрут посчастливилось быстро: взволно-

ванные ноги занесли недалеко. Топать же до следующего ориентира, с учётом ночного броска, около пяти часов. Согласно карте, путь несложный. *“Но даст ли кто гарантий?”* – Появилась карандашная запись в конце конспекта вчерашнего дня. – *“Вдохни этого фосгена чуть больше, и кто знает, может этих слов бумага и не впитала б.”*

Страницы дневника взбунтовались от холодного ветра. Морозные его порывы заполнили легкие, и не было слышно ни хрипа, ни раздражающего горло кашля, ни пустых разговоров спутника. Смог ли он вообще выбраться из западни и выжить? Есть ли вероятность его становления кормом или жертвой газа? Может рыси насытились им, потеряв интерес ко мне, иль отравились газом, из-за чего и не взяли след? Я встряхнул голову, избавляясь от лишних мыслей, и захлопнул переплёт.

Дорога проходила через поля и редкие рощи. Из-за морозного ветра, продувающего насквозь неумело склеенный бушлат, приходилось двигаться перебежками от одного хвойного скопления к другому. К счастью, продлилось это не так долго – всё стихло спустя пару часов. Когда я вышел к склону у небольшого озера для привала, ветра не было уже с полчаса.

“Всё тайное становится явным.” – Вспомнились слова матери. Слова, так хорошо описывающие последние события. Мерные постукивания карандаша о планшет – единственное, что не позволяло размышлять о них вновь. Нужно было

сократить маршрут, я не был готов к приближающимся заморозкам. Получилось даже отыскать выход из ситуации, но мысли о прошлом не давали продумать детали. Я стал слишком рассеян.

Позади раздался шелест травы. Хотелось, чтобы причиной был ветер, решивший вернуться, но отчётливые, хоть и еле слышимые шаги развеяли мечтанье. Потухший ковер накрылся плащом, занимая подножье склона. На меня уставились горящие багрянцем глаза.

– Неожиданная встреча. – Глухо отозвалась морда противозага. – Я решил уже было идти до посёлка в одиночку.

Мной овладело странное чувство. Хотелось завалить товарища вопросами прямо с планшета! Выслушать его, как старого друга и продолжить дорогу шаг в шаг, полагаясь не только на свои силы. Но, словно топливо, сочащееся из трещин канистры, всплывали моменты, разжигающие искру затихшей ненависти. С каждым таким воспоминанием всё стремительней нарастало желание как можно быстрее избавиться от незваного гостя.

Наблюдатель тем временем наткнулся ногой на опустевшую жестяную банку, поднял её и с задумчивым видом сказал:

– А я ведь выиграл в споре такую же... целую. Вот бы вновь попробовать тающие на языке волокна тушёного мяса...

Эти перерастающие в бормотания под нос слова меня ни-

чуть не интересовали. Плевать я хотел на его мысли и доводы! Он бросил меня, не предупредив о опасности, да ещё и выбрался из всего этого дерьма без царапинки. Догнал ведь, претензии высказывает, сука! А мне какого было, не думал?!

Об берцы стукнулась жестянка. Ненавистник терпеливо дожидался моей реакции на так и не начавшийся разговор.

– Долго собираешься тут торчать? – Буркнула морда, совершив очередную попытку.

Карандаш протрещал. Грифель наверняка весь разломался внутри, я и не заметил, как сильно сжал его обёртку. Бывший товарищ принял это, видимо, за знак. Спустился к озеру, встал вполоборота. Загудел.

– Я хотел предупредить. При первой же возможности заколотил по кузову что есть мочи. Думал, не глупый парень, сообразишь. – Он помедлил. – Врать не стану, колотил не долго. Дал дёру по переулкам почти сразу же. На юго-запад...

Отчитавшись, никудышный оратор одернул плащ и добавил:

– Не зверь же я какой, чтобы бросать товарища! Хотел отыскать подмогу, подсобить...

Какую, чёрт возьми, подмогу? Где ты её собрался брать?! В милицию позвонить? Позвать солдат с блокпоста въездного? Идиот! Жаль не сказать тебе всего, что думаю! Ты же наверняка и о передрыге знаешь: выстрел слышал, дымку эту дрянную видел! Чего ты об этом не говоришь, падаль? Ты

горазд только чушь нести!

Мне было стыдно. За себя. За то, как непристойно могу слагать мысли. За эгоизм. Я был готов вырвать Наган и нажать на спусковой крючок снова... дважды. Чтоб наверняка.

Но станет ли мир от этого лучше?

В багровом пейзаже линз удалялся парень. Оставленный им лист содержал лишь одну строчку: *“Даже зверьё иной раз куда более человечно к собратьям”*.

***

Поляны сменялись опушками, рощи – молодыми лесами, одна из просек которых выходила к решению сложившейся ситуации. Хутор. Несколько изб да сараев на краю озёра, выступающего от местной речки, как нарост. Неужели это место способно мне помочь? Часть построек разрушено временем, некоторые дворы сожжены дотла. Нет ни повозок, ни каких-либо животных останков. Все просто ушли.

«Место без могил» – так я пометил хутор на карте, продолжая дело мертвеца, подарившего надежду.

На берегу, в метрах ста от покинутых домов, лежало пару сгнивших деревянных куч, лишь отдалённо напоминающих бывшие лодки. Неподальёку же от покосившегося рыбацкого сарая отходил узенький мостик с привязанной к нему ритмично постукивающей алюминиевой моторкой. На боку была самодельная, со временем стёртая надпись: «Казаночка». Судя по состоянию, это было вовсе не имущество хуторян. Друг хозяин жив и в любое одночасье вернётся? Не навле-

кут ли проблем на этого человека мои действия? Я не мог просто так забрать эту посудину.

Поиски альтернативы ни к чему не привели. Моторка и вовсе не оправдала своё название. Среди разбросанногохлама рыбацкого сарая был и её разобранный движок. Лишь драная наклейка на крышке мотора напоминала о былом величии: «*Вихрь*». Видимо, его сняли для починки или вовсе из-за ненадобности? Оно ведь и верно: питать его нечем. Неиспорченный бензин – вещь редкая. “Но никто не отменял вёсла и течение.” – Подумал я. – “Это значительно изменит надуманные мной цифры, но тоже вариант!”

Дужка замка щёлкнула, отправляя цепной поводок *Казаночки* на дно. Внутри теплилась надежда, что хозяин моторки не вернётся. Но и обратное забывать не следует. Рядом с *Вихрем*, перекрывая пыль верстака, лежал аккуратно вырванный лист:

«Прошу прощения, одолжил вашу лодку. Постараюсь вернуть в течении суток, но если не выйдет – ищите её на берегу у посёлка Аган. Может, кого знаете там?»

Спасибо. 19.11.1992»

Глава III

Часть первая.

Я кричал изо всех сил.

– Пожалуйста, постой! – Пытался не сбиться, не зацепить какую корягу. – Помоги же мне!

Раздался грузный кашель, потянуло вниз. Не в состоянии сделать и шагу, я рухнул наземь, чуть не напоровшись на осколок камня.

– Чего ты... кричишь? – Сквозь кровохарканье процедил дядя Миша. Бардовая жижа из его живота не переставала пульсировать, не смотря на импровизированный бандаж. Из-за её потери ноги уже отказывали в его воле.

Фигура, что двигалась параллельно нам вдоль сосен, давно скрылась. Часовой механизм затаившейся веры в спасенье остановился, двинув вспять. Мне нужно было только догнать его, выйти по тропе проводника, но дарованный таинственным силуэтом шанс был заранее просран.

– Сейчас бы Аристархово самозарядное ружьё... – Позабыв про мои крики, тихо проговорил дядя. – А не это двуствольное дерьмо...

С его плеча сползла ляжка с обезображенной вертикалкой: приклад да огрызок цевья.

– Мы бы этих волков пошинковали, как капусту!

Прорывав возмущения, старый пёс разошёлся в кашле. Я не мог и представить, на что способно зверьё, чей вой тотчас разрезал повисшую тишину. Мои руки вцепились в ватное тело, но его хозяин противился. Отпирался. Его дрожащая улыбка на бледном лице сопровождалась кристаллами слез.

– Уходи. – Почти беззвучно сказал он. – Это приказ...

***

В метре от меня сидел попутчик. Тот самый проводник.

Сверля друг друга взглядом, мы не проронили и слова. Способ его появления здесь меня не волновал – можно было ожидать всего, чего угодно. Даже то, что упрямец мог просто пуститься вплавь от берега, пока я дремал. Об этом говорил его насквозь промокший плащ. На что я ему, черт подери?

Линзы его противогаза завораживали. Переливы бардовых волн передавали зрителю ужас и страх их обладателя, будто прошедшего ад. Я же пытался разглядеть хоть что-то иное. Что-то человеческое. Жаль морда отвернулась, направив взгляд в куда более интересное русло.

За холмом, в паре сотен метров от левого берега, открылось очертание серого кирпичного здания, его последнего этажа. Карта без пометок, только несколько одиноких квадратов. Может, какой промышленный комплекс? Интересно, имеет ли он за собой историю? Сколько не размышляй, а до посёлка от этого места совсем недалеко.

***

Моторка рассекла промёрзлый песок. Молчун, не прекращая дурацкую игру, спрыгнул и, укутавшись в плащ, как черепашка в панцирь, растворился в хвое. Не подсобил даже затащить посудину, на кой ляд было вообще забираться? “Ни слова, ни помощи” – буркнул внутри. В отличие от упрянца, мысли не только о судьбе хозяина лодки, но и о давно ожидающей встрече меня не покидали. Что меня ждёт? Процветает ли поселение или древесина изб уж давно начала гнить? Может, защитники крепости примут меня за бандита, вздер-

нув как шавку, а отец в их главе подтвердит мои ужасающие догадки?

Нагнать товарища так и не вышло. На встречу я пришёл один. Совсем один. Аган представился запустением и затхлостью. Вдоль грунтовок простилались тухлявые колья забора, приютившие грибок. Они более не защищали пугающие избы без окон от недоброжелателей, которые вряд ли бы не побрезговали туда соваться. Чувство, что этот могильник покинули задолго до моего прихода. Задолго до необратимой катастрофы, до величайшей ошибки человечества...

Мысли были опрометчивы. Пройдя с дюжину поворотов да бесхозных участков, я и не сразу смог поверить собственным глазам. Появившийся точно из-под земли, частокол огибал впередистоящие здания по обе руки, уходя за угол в невиданном направлении. Впускали же в *острог* незамысловатые сетчатые ворота, болотная краска которых изрядно настрадалась. Никаких тебе укреплений, блокпостов и охраны.

Состояние зданий было иным. Немного запущенным, но всё же ухоженным. Не буду отрицать, что контраст с остальным посёлком сыграл свою роль, но крепость, по крайней мере, была цела. Здесь определённо жили люди. Дабы привлечь внимание я было свистел, стучал палкой по брошенной кастрюле, но в ответ лишь отдалённое карканье под завывающий морозный ветер. Жили здесь, видимо, глухие. Либо не в это время.

Либо не в этом году.

Прислонившись к застеклённой раме случайного дома, я пытался разглядеть через иней что интересное. Безрезультатно. Обеденный стол в клетчатую скатерть, пошарпанный алый диван да белёсая печь. Обыкновенная комната, всего по мелочи. Но порой и самое сокровенное таится в обыденных вещах.

Похоже, в поселении старались жить дружно. В одной избе по нескольку семей, но оно и понятно – на столько народу врознь дров не напасёшься. Например, в следующем доме под спальню выделили самую маленькую комнату. Поставили в центр буржуйку и обставили вокруг скрипучими кроватями, диванами и лежаками. Всё быстро отапливалось, всем было славно.

Из прихожей, за развешанным бельём открывалась и вторая, по совместительству последняя комната. Судя по убранству, хозяева здесь проводили большую часть времени. Тут тебе и шкафы с тряпьем, и не убранные детворой игрушки. Верстак небольшой имеется, стеллажи. На узорчатой салфетке стола, вблизи керосиновой лампы, ютились даже кое-какие книги, доконфликтные журналы. Этого пропустить я никак не мог.

Замусоленная «*Мурзилка*», «*Кортик*», пыльный «*Юный Техник*» и сильно выделяющаяся из всего этого набора мальчишки «*Дело было в Пенькове*». Странность сей книги не ушла и после пролистанных первых страниц. Поля бедной повести были исписаны фразами и целыми историями!

Узоры с цветочками украшали слова «*Хочу мужика*» на 10-ой странице. 30-ую заполняли жалобы на спиногрыза Ромку, 47-ая служила списком мужских имён с зачёркнутыми позициями. Автором явно была женщина.

Кто бы мог подумать, что она сможет мне помочь?

Пустой лист после оглавления был мелко испещрён абзацами истории:

«Можно подумать, такая уродина? Да я любого прохвоста могу охмурить по надобности, держу под юбкой только полезных! Вон, например, Матвейка. И починить всё горазд, и рассказать может разного! Про гостей наших вон только председатель знает и Матюша мой, как приближённый!»

«Ой да Матвей, ой да умелец! Подарил мне сегодня радиограммофон, такой красивый, в чемоданчике лазурном! Хоть бы соседский Ромка, простофиля, не сломал!»

«Дуралей этот Матюша! Слюнтяй! Попросила по-дружески разузнать про гостей, про мужика мужицкого, а тот в отказ, мол тайна! Всему своё время! Не зря я ему не даю. Тот ещё конспиратор. Не то, что припёршийся позавчера с парнем каким-то раненым. Как увидела, сразу поняла – мой вариант! Седоват малёха, но в постели он точно бычара!»

Большого желания это комментировать не было. Женщина определённо не придерживалась традиционных ценностей. Седовласая же её мечта могла быть кем угодно, но для утверждений, что речь шла об Аристархе, сведений недостаточно.

О возрасте писанины остаётся только догадываться. Без дат и конкретики проблематично, но смелюсь предположить, что ей как минимум год. Чернила в хорошем здравии. Примерно тогда и развернулась причина опустошения посёлка, трактуя по его состоянию. Возможно, роль сыграли гости. В любом случае писательница не смогла продолжить дневник, о чём говорило обрывающееся повествование.

Единственной зацепкой оставался Матюша, приближённый председателя. Связность с радиотехникой однозначна. Пускай даже трансляция о помощи и не его рук дело, но знать об этом он был обязан!

***

Энтузиазм держался на добром слове, зданий было предостаточно. Для оговоренной полусотни, да с условием нескольких семей на избу, их было с перебором. Частокол огибал куда большую территорию, занимать которую могла и сотня-две. Были ли причины называть меньшее число или это благодаря трансляции? В любом случае, всё это кипящее многообразие лиц сменилось одним безнадёжно усталым. Лицом одиночества и тлеющей веры.

Всматриваясь в утварь каждого жилища сквозь узоры мороза и занавески, я искал подобие мастерской. Среди отрезанной деревни такие таланты чаще всего обнародованы, а выполнять прихоть оных где-то было нужно.

Это было неказистое здания, из односкатной крыши которого выглядывал мезонин. Пустоту необычно большого рас-

стояния от грунтовки до мастерской занимали сарай, кладь дров да прикрытый множеством скатерть, разобранный в хлам трактор. Вздумалось: “Матюша ковырялся во всём”.

Могильник радиотехники представлялся иным, плюгавый вид снаружи играл прикрытые достойно. Встречала, конечно, слегка пустоватая гостиная, но гармоничная кладовая-спальня и аккуратно организованное рабочее помещение на чердаке утверждали обратное. Каждая коробка на стеллажах была подписана, находил себе место даже какой проржавевший корпус громоздкого радио. Матвей настолько ценил своё хозяйство, что, по моему мнению, мельчайший мусор находил пристанище и, скорее всего, применение. Этот человек дела поражал.

Возле окна мезонина на столе стоял металлический тёмно-болотный короб с ручкой для переноса. Уходящая в щель форточки антенна, тумблер, окошки с ранее бегающими стрелками, отходящие провода – всё это говорило о том, что передо мной радиостанция. Ручной привод, заставляющий работать эту махину, был переделан под аккумулятор. Тихину радиоволны принимали наушники на тонкой, перемотанной тёмной лентой нити разных оттенков. Микрофон же, корпус которого был грубо скручен шурупами, а кнопка соединения зажата щепой, с нетерпением ожидал речь коричневого чемоданчика-магнитофона с надписью «Астра-2».

На полу валялась бумажная упаковка от магнитной ленты – единственный беспорядок комнаты с подписью «Трансля-

ция о помощи». Бывший её житель, видимо, стоит в аппарате с невозможностью запуска. Синяя кнопка включения прова-лилась безрезультатно. Питающий всё это добро аккумуля-тор был разряжен.

Замена на удивление обнаружилась быстро. Порядок ра-бочего места творит чудеса.

Болотный короб заверещал, расходясь в помехах. Магни-тофон, не отставая, забухтел. Заскрипел. Знак нехороший, но, по крайней мере, всё заработало и удалось не посрамить надежду найти часть неведанного, возможного приоткрыть занавес на судьбу отца! Магнитная лента с щелчком лопну-ла. Синяя кнопка стрельнула в изначальное положение. Не посрамил, блин.

Выудив огрызки ленты из механизма, я полез за спичками в надежде сплавить их, но тут же осознал бессмысленность затеи. Они липли и ссыпались, оставляя на пальцах тёмный порошок. Если и можно сохранить запись, то в состоянии сделать это точно не я, а магнитофон, возможно, лишь усугубит положение. Ясно было только одно – катушку лучше оставить в покое.

Ступень лестницы в мезонин скрипнула. Предательски так, случайно. Или специально? Доски повторно издали визг от тяжёлых ботинок, хозяина которых явно не заботило об-наружение. Чуть обледенелый, но от этого не менее знако-мый плащ опустился на табурет в начале стеллажей. Эта мо-нотонно дышащая резиновая морда отвлекла меня от магни-

тофона. Погрузила в образовавшуюся тишь мыслей.

Раздались помехи.

К источнику. К радиостанции, что работала всё это время, пока моя голова была зациклена катушками. К устройству, судя по размерам и виду которого можно сказать о промышленном или вовсе военном предназначении! Эта уходящая в щель антенна может обмениваться сигналами на сотни километров. Можно отыскать как и обычных людей, знающих прошлое тех или иных мест, так и правительство, командующее остатками подчинённых. Какой же я дурак, что попросту растрачивал ёмкость аккумулятора на чёртов магнитофон!

Переключатель с треском менял частоту. Стрелка в окошке, ранее мёртвая, вновь обрела силы. В зависимости от её положения наушники то разрывались усилением помех, то поглощали тишину, как коробка из администрации Нижневартовска. А вдруг там, в этой тишине, кто-то ждёт сигнала, как и я? Вдруг просто нужно дать понять, что радиоэфир не мёртв?!

Микрофон примкнул ко рту. Что сказать? Как?

– Досадно. – Не выдержал гость и вторгся в происходящее. – Перед тобой билет к мечте, стоит лишь сказать, а ты не в состоянии произнести и слова...

В памяти всплыл уход отца. Его твёрдая рука на плече. Тихая, но невероятно мучительная смерть матери. Кровохаркающее и испускающее жизнь тело дяди. Пронзительный писк

рассёк тишину наушников, оглушая и не отставая от засевшего в горле кома.

Ведя немую сцену, путник снял с меня бесполезный пластик и склеился резиной с грубо скрученной коробочкой.

– На связи посёлок Аган, как слышно? – Будто из-под земли произнёс он. – Приём!

Товарищ произнёс это не раз. Эти слова звучали и когда я свалился на пол у стены, и когда уже начинал приходить в себя. Затея была брошена раза с 17-ого, когда путник отпустил переключатель, отнял наушники от резины и безрезультатно мотнул головой.

***

Неудачный связист бездельно восседал на том же табурете. С вещмешком меж ног и алюминиевой флягой в руках сидел уже я. Глоток остатков напитка из чабреца помог успокоиться окончательно. Успокоиться? Что со мной стряслось? Приступ? Если так, то приступ чего?

“Прошло и ладно.” – Вздумалось, когда флягу убирал. – “Волновать должно другое.”

Привставая с холодных досок, успевших подморозить седалище, я невзначай заглянул под стеллажи. Место, заставленное картонными коробками. Каждая была подписана: тут тебе и «*Термоэлектрические устройства*», и «*Средства измерения электрических и магнитных величин*», просто «*Металл*», несколько коробок с разновидностью «*ЭК*»: пассивные, нелинейные и тому подобное. Я и раздумывать не стал,

когда увидел надпись «*Записи*».

Картон хранил в себе целую иерархию магнитных катушек и кассет. На большинстве упаковок были названия, как я понял, музыки: часть на непонятном не русском языке. Забравшись во всю эту коллекцию, скрывались тетрадки и странно подписанные упаковки – «*Весна. 1989*», «*Зима. 1990*», «*Лето. 1990*», «*Лето. 1991*». Я прочитал название последней коробочки ещё раз. И ещё раз, когда магнитофон уже был заряжен взволнованными руками её содержимым.

Отец ушёл в конце мая, 29-ого числа. Если предположить, что до посёлка он добрался быстрее сына, и ради объективности взять погрешность в сутки, то, как ни крути, а его нахождение в посёлке выпадает на июнь. На лето 1991-ого года.

Динамик *Астры* закашлял:

«Огнев Матвей. Пятое июня.»

Прошлые 10 месяцев прошли без происшествий. Новых граждан не было, провизии хватало. “Дичь и рыба ещё водиться, урожай не подводил.” – Так говорит наш председатель. Заметно мало лекарств, этого он не скроет, но благо никто не болеет. Стараемся держаться. Последнюю секцию забора вот окончили, ребят готовим. Уверен, рано или поздно посягатели найдутся – вопрос времени. Ладно, трахать ленту не для этого собрался...

Считаю расширяться пора, привлекать доброжелателей. Идея может показаться опрометчивой, но план то

есть. Нужно организовать трансляцию, попросить, желательно, помощи. Чем больше провизии и народу, тем выше шансы на выживание! Председатель возмутился, мол нарвёмся на недруга, проблем и так полно, но одобрение я всё же получил. В распоряжение даже дали пришлого. Ополчение говорит мужик хороший, честный и принципиальный. Мне это только на руку и помяните слово, из этого выйдет начало чего-то большего!».

– А Аристарх-то всё-таки был здесь, чертяка! – Прогудел в хобот сосед по чердаку. – Вот только это тупик... Куда дальше, начальник? – Уже с издёвкой.

Я взглянул на него с непониманием. Отщёлкнувшая кнопка возвращала в доносящиеся из наушников помехи, но голова была где-то далеко. У поселенцев здесь был огород! Они питались свежими овощами и мясом! Нашу дичь после охоты требовалось долго обрабатывать и всё равно получать дозу, не говоря уже о невозможности выращивать овощи! Но при этом они просили помощь?! Их окружал высокий забор и охраняло собственное ополчение! Что их смогло убить?!

Совсем не подумал об отце... В нашем мире мало осталось честных и принципиальных, как Аристарх. Здесь он был ещё и пришлым. Пришлым диктором. Но он ли это? О нём же отзывалось ополчение? Оно должно было знать его!

Собеседник чуть приуныл в ожидании. Опер свою голову на руку и совсем не ожидал, что его друг настолько резко подскочит, что тот свалится с табурета. В руке товарища был

раскрыт дневник.

– Место, где базировалось ополчение посёлка? – Прогудел противогаз. – Я лишь видел вышку в домах трёх отсюда... она чуть выше крыш была, но...

Путник не успел набрать и воздуха, когда по лестнице загрохотал топот берц.

***

Стоящая на брёвнах вышка была лишь на метр выше одноэтажного барака. С неё только следить за новобранцами на площадке, как надзиратель. Дальше четвертого дома хоть глаз коли. “Не удивительно, что не заметил.” – Сказал себе, будто утишая.

Само здание делило два бедных крыльца. Первое, ближайшее от вышки, вело в казарму. Небольшое неотапливаемое помещение на шесть двуярусных коек, на которых, верно, не спали. На то оно и ополчение – добровольцы из посёлка. Каждый при дому.

За второй дверью передняя: скамьи, вешалки настенные и чей-то письменный стол перед аркой далее – пропускной пункт. Куда? В кабинет заведующего, часть которого занимал арсенал за решёткой. Уменьшенная и сильно хромящая версия из милицейского участка Нижневартовска. Криво сваренные из арматур стойки да коробки пустые, заросшие паутиной под ногами. Лишь одна была набита странными патронами, опрокинутая, видимо, в суматохе. Они были похожего калибра, что в Нагане, но намного легче. Вме-

сто пули – обтёсанный камешек, зажатый пассатижами. Они вместо боевых тут были? Может, для обучения? Интересно.

Имелось и рабочее место заведующего, куда без него? Два стола буквой «Т»: Один для вождя, другой для пыльной карты поселения и близлежащих километров территории. Вся в пометках и различных маршрутах, сразу и не сориентируешься.

Рабочий стол валился от бумаг, бардак полный. Внутренности ящиков более аккуратны, найти что было вероятней. Например, тетрадь «отчётная». Её вели дежурные у ворот ополченцы, записывая входы и выходы поселенцев по времени. Конспектировали всё: цель вылазки, вооружение, маршрут, количество человек, присутствие или отсутствие охраны. Были исписаны почти все 96 листов. Изучай и изучай...

На улице уже вечерело, когда выплыли первые искомые строки:

«03.06.1991 – 11 часов ночи. Пришло двое мужчин, один ранен. Провели досмотр, связались с центром. Последнего направили в медпункт, первый на посту до выяснений.»

ФИО: Кайдановский Аристарх Георгиевич (45 лет); Зубков Глеб Константинович (27 лет, ранен).

Цель визита: Поиск безопасного места.

Вооружение: Самозарядное ружьё МЦ-21-12 (изъято). »

«06.06.1991 – 3 часа дня.»

ФИО: Огнев Матвей Владимирович (32 года); Кайдановский Аристарх Георгиевич (45 лет).

Цель выхода: Поиск радиодеталей. Маршрут №7.

Вооружение: Пистолет Макарова, Самозарядное ружьё МЦ-21-12.»

Вот оно – прямое доказательство присутствия отца в этом дрянном посёлке! Ещё один кусочек пазл! Аристарх и правда был пришлым диктором, коего приставили к Матвею. Значит, кто-то организовывал его деятельность? Центр? Центр ополчения или председатель, упомянутый Огневым? Я кинулся к карте.

Аган был как на ладони. Очертание и подпись каждого здания! Здесь и столовая, и мастерская, и центр ополчения, где я находился прямо сейчас, и дом председателя. Дом, находящийся в неясно помеченной зоне. Будто кусок поселения оторвали. Обвели кружком и поставили восклицательный знак. Что это значит? Опасность? Бунт или какое нападение? По периметру этой зоны проходил один из маршрутов. Маршрут с номером 13. А что там с седьмым? В свете угасающего солнца палец теснил пыль карты, уходя за территорию посёлка. Этот маршрут уходил на юг по реке, к безымянным постройкам у просёлочной дороги. Так там могли быть радиодетали? Задумавшись, я взглянул на окрестности этого места. На юго-западе от него, через русло реки была зачеркнутая надпись поверх одиноких квадратиков: «*Возможная провизия*».

В голове бурлила каша, нагнетая на тонкие стены коробочки. Почему отец пришёл не один? Что за раненый Глеб?

Зачем был организован маршрут вокруг отрезанной части посёлка? Что там вообще стряслось и замешан ли председатель чей дом там обосновался? Да он вообще оставался последней зацепкой! Не смотря на причины восклицательного знака, идти мне было больше попросту некуда. Не переться же мне по седьмому маршруту?

***

Огонёк в небольшом отверстии чугуна был единственным источником тепла и света. Иногда он находил силы и вырывался пламенем из открывшейся дверцы буржуйки, хватаясь за ветки и щепку от столовских скамей. Вновь скрывался за металлом, как пугливый зверёк, и украдкой выглядывал из норки. Он был источником небольшим, но неизмеримо ценным в наше время.

Это тепло могло согреть физически. Как штопаный бушлат или пульсирующая в артериях жизнь. Согреть же искру внутри способно немного. Душевно согреть, поддержать тлеющий уголёк. Поддержать как любящий человек, как отец или мать, как животворящая идея, стоящая сил! Меня этого лишили. Я копошусь среди кладбища в поисках истории отца, но это лишь потухшая спичка, ковыряющая остатки угля...

А какого моему спутнику? Товарищу, чьи намерения мне неясны по сей день. Человеку, способному на предательство и помощь? Он сидел, облокотившись на перевёрнутый стол, и мирно сопел в хобот, не произнеся и слова после чердака.

Что у него внутри? Прах или тлеющий уголёк, как у меня? Искорка или пламя?

Я хотел с ним поговорить, спросить огрызком карандаша. Взглянуть снова в багрянец, переливающийся в небольшом очаге буржуйки. Меня отвлекла закипающая вода на печи. Просто кипяток. Единственное блюдо на ужин. На дне мешка оставалось сушёное мясо и горсть крупы, но нельзя было лишать себя последней провизии. Исключать возможность обратной дороги недопустимо.

Пока доносил до рта кипяток, капнуло на ноги. На раскрытую тетрадь Огнева. На тетрадь-дневник с подписью «Июнь 1991», которую я выбрал среди коллекции картона, заглянув в мезонин на обратном пути. Может, найду упоминания отца? Эта мысль затаилась так же неожиданно, как и исчерпалась. Педант Матюша записывал абсолютно всё, разбавляя свою тягомотину мечтами о будущем с возлюбленной. Аристарха касался крайне редко и поверхностно. После седьмого маршрута его забрало ополчение, а через сутки, когда Огнев восстановил радиостанцию, отец продиктовал составленное Матвеем сообщение под запись, исчезнув из этой тетрадульки навсегда.

Под воющий из возрастных щелей здания сквозняк я подбросил в топку очередную ножку табурета. Вместе с недочитанными мемуарами. “А вдруг так потупит кто и с моим дневником?” – Подумал я. Товарищ даже и не дёрнулся. Всё так же глядел на огонёк и сопел.

Мне стало стыдно.

Я оскорбил Огнева. Обесценил его труд. Не дочитал строки, наполненные чужим старанием. Вдруг узнал бы чтостряслось с поселением? Ведь узнал бы. Дополнил историю этого места, не дал бы забыть миру последние витки жизни паразитов! Эгоист!

В дали отчеканил звон. По полу и стенам тянулся след ещё не остывшего кипятка. С треском разломился ящик, части которого тотчас забили выход пугливому огоньку. То, что не влезло, свалилось небрежной кучей у спального мешка, чей владелец укутался в его объятия и заснул, пылая желанием всё закончить.

***

Маленький зверёк ожидал помощи. Он ждал, когда я проснусь. Когда помогу ему отбиться от многочисленных сквозняков и придам ему сил. Когда не дам потухнуть.

Холод. Вот что воцарилось спустя пару часов. Тихий стон двери впустил раковое дыхание морозного воздуха, его порывы. Зверёк проиграл. Охранять стало некому.

В сонные веки ударила яркая вспышка.

– А ну встал! – Произнесла вспышка твёрдо, неподъемно. – Встал к стене!

Теперь пугливым зверьком оказался я. Ёрзая в спальнике, не понимая и торопливо обрывая пуговицы брезента, я пытался встать. Прилипнуть к холодным стенам, как слепой кротёнок. Только у них я смог, наконец, разомкнуть непо-

слушные веки.

На ровне с источником вспышки меня выслеживало бездонное пятно. Пятно вороненого ствола.

– Давай без глупостей, парень. – Раздалось за пятном.

Тяжёлый мужской голос был с примесью знакомой жести. Будто из-под банки.

Щелчок. Светоч сменил вспышку. За ним, медленно выплывая из ночной темени, стал различим моего роста силуэт. Грузная фигура опрокинула ногой спальник, оголяя лежащий под ним револьвер. Банка цыкнула. Сапог откинул причину к перевернутой столешнице, где должен был сидеть товарищ.

Должен был.

Поразмыслив с минуту над выпотрошенным вещмешком, грузный развернулся. Видимо, разглядывал уже меня. Напуганного и сонного оборванца, который вряд ли полностью осознал происходящее.

– Ну и кто ты?

Было страшно. Зябко. Как я ему отвечу?

– Что ты тут делаешь? – Не отступал тот. – Глухой или язык проглотил?

В жести чувствовалось нетерпение, раздражённость. Я медленно вскинул ощутимо дрожащую руку, указав на расстрёпанный дневник у мешка.

– На кой хер тебе тетрадь? – Недоверчиво лязгнула банка.

Тыча в рот, я взволновано мотал головой. Боялся, что ме-

ня не поймут. Примут за одичавшего психа.

Незнакомец на это лишь хрипло вздохнул.

– Наградил меня посёлок... – Отозвался мужчина менее грозно. – Единственный шкет, не желающий меня обуть за столько времени и то не поговоришь...

Фонарь с пятном, чуть дёрнувшись, вперился мне под ноги.

– Револьвер твой да кочергу с ножом изымаю. – Продолжил грузный, обождя. – Остальное собирай и на выход. Нечего переписываться в темноте.

***

Ступая впереди, я, как мотылёк следовал указаниям фонаря сзади. Шли молча. Долго. За пределы посёлка.

Догонять свою тень пришлось вплоть до одинокого пригорка, за которым разрезающим тьму светом оголялся редкий забор потрёпанного домишки. Только мелкие щели в занавешенном тряпье давали окнам взглянуть на свет знакомого фонаря. Вслед за калиткой, не иначе как с радостным визгом хозяина встречала оббитая дерматином дверь.

Внутри меня усадили на скамью у входа. Потухший светоч сменился тёплой жизнью керосинки в потолке. Грузный хозяин, ввалившись в помещение, словно кабан, сбросил ружьё у тумбы. Стянул на неё же вязанную шапку и странный противогаз с массивными окулярами и таблеткой-решёткой. Показался буро-седой ёж мокрых волос.

Кабан пару раз окунул морду в рядом стоящий таз с во-

дой. Обтёр харю тряпьем занавески и развернулся ко мне, буркнув что-то под нос.

– Ну ты и грязнучий... – Заключил тот, шевеля густыми усами на недельной щетине.

“Я бы посмотрел на тебя в Нижневартовске, умник.” – вырвалось внутри. Хмыкнув, усач отвернул свою округлую мордень во главе с носом-картошкой и извлек лучину из кирпичной, покрытой белым пепла печи. Для растопки.

Когда заметно потеплело, мужчина опустился за стол.

– Голоден? – Спросил он, растёгивая ремни старой разгрузки.

Я, не думая, кивнул.

– Тогда чисть трубочиста и к столу! – Отозвался щетинистый более бодро.

Смыть мутной водой вросшее прошлое не удавалось, но хозяину, видно, достаточно и того, что я послушал его.

По окончанию процедур меня ждала дымящая алюминиевая миска варёной картошки с обилием лука. Я с недоверием взглянул на повара.

– Чего кочевряжишься? – Удивился он. – Думаешь, я собрался тебя отравить?

Выудив истасканный дневник, я наскребал: «*Оно же радиоактивно!*»

– Да брось чушь нести! – Ещё больше раскрыл глаза хозяин, прочтя каракули. – У меня всё по науке, ты не дури!

Его пятерня пропала в рядом стоящей кастрюле, а через

секунду уже держала увесистый картофель, напоминающий его нос. Половину тут же умяли усы.

– Оно же как... – Прожевал ус. – Ко всему нужно с умом... Я же не полоумный какой радионуклиды в себя пихать!

Повар привстал, расстегнул ватник у горла. Просунул за усы вторую половину картошины и продолжил:

– Тут ведь при вспашке на штык глубже зайдёшь, засадишь и раза два в неделю поливаешь с раствором йода. – Грузный ткнул в стеклянный бутыль мутной жижи на полке. – Буквально пол черпака на ведро воды, чтоб землю не угробить.

Усы было требовали добавки, вернувшись за стол. Но пятерня помедлила. Не стала потакать.

– А дальше технология не сложнее. – Вперился в меня повар. – Картоху выкапываешь, очищаешь. Промываешь и замачиваешь в солёной воде на сутки. Отвариваешь потом раза три-четыре и айда в кастрюлю с луком. Он антирадиационный от природы!

Он рассуждал логично. Здесь вряд ли радиационный фон выше окраин Мегиона, а с такой-то обработкой любая гадость помрёт. Я аккуратно положил в рот отломившийся кусочек картошки. Он растаял. Растаял так нежно, что от наслаждения глаза неумышленно закрылись. А лук...

Миска опустела в два счета. Раздался надрывный смех.

– Видать, давно не искушал такого шикарного картофеля, а? – Сквозь слёзы ожили усы. – Давай только без ню-

ней! – Добавил потом, заметив, что я начал вырисовывать слова благодарности.

На дубовый стол бухнула стеклянная бутылка, называемая *четвертью*. Из трёхлитрового её объёма как минимум два было выделено под яркий, переливающийся бардовым напиток.

– Лучше наскреби-ка мне своё имя, шкет!

***

Моего собеседника звали Иван. Иван Семёнович. Бывший ополченец посёлка, по-товарищески попросивший называть его в моей *писанине* Демьяном. Так его окликали сослуживцы ещё в 1960-ых из-за характерной фамилии. В нынешние годы, по его словам, он чувствовал себя от этого моложе и сильнее.

– Не отпускает меня посёлочек... – Хрипел Демьян, потирая алый лоб. – Я ведь уехать хотел после случившегося... откапал УАЗ *трёхсотый*... натаскал понемногу всякого... запчастей там, топлива... провизию заготовливал...

Раскраснелся Иван Семёнович от своей бурды. Обмяк. Жевал найденные в закромах сушёные грибы и опрокидывал свои стопки. Я пропускал. Кошмарное жжение первой пробы и кратковременная слепота были отвратительны.

Ещё более грузный Демьян не настаивал.

– Не завелась моя малышка, Антош... судьба распорядилась.

Антоша. Странник Антон. Последний выживший с посёл-

ка Зайцева Речка, что в тридцати километрах от Нижневартовска через реку Обь. “Ну и бредятина” – подумал я. А потом взялся за огрызок карандаша: *«Так что же стряслось с посёлком?»*.

– Опять за своё? – Шевельнулся ус. – Передохли все, сказал же...

И так уже третий раз. Умолк, подцепил немного лука с кастрюли, обновил стопку. Тяжело и недовольно вздохнул. А это было впервые.

– Хворь все подхватили. – На удивление для меня начал Демьян. – Некому стало держать поварёшку, мотыгу... порядок. Многие опускали руки, заметив у себя первые симптомы, но оно и ясно – люди потухали за сутки. С ними гас и посёлок... оплот редкого ныне человека...

Разошлась сигарка. Иван Семёнович хлопнул портсигаром и затянулся едким. Горьким и самодельным. Продолжать он явно не планировал, глядя на меня через четверть. Выждал реакции или думал о чём?

«Вам известно о прошлом? О катастрофе, погубившей мир?» – Решил я уйти от темы.

– Дед я по-твоему? На “вы” со мной вздумал... – Приглушённо отозвался дым. – Тебе разве свои с Речки не рассказывали?

Я мотнул головой. Демьян отодвинул алый бутыл с поля видимости. Какое-то время, решаясь, увлекался сигаркой.

– Разгар весны это был... – Промолвили сохшие вмиг гу-

бы. – 12 апреля 70-ого. Дочка тогда на обед зашла... радио включила, музыки послушать, а там Юрий Борисович вещает... как сейчас помню: “Холодная война завершена путём преодоления Кубинского ракетного кризиса с полным разгромом идеологического противника в лице Соединенных Штатов Америки”. – Демьян взглянул на меня исподлобья. – Душу мне травишь, Антон... но и не знать этого грех.

Усы опустошили налитую ранее стопку.

– Левитан заверил, что боятся гражданину Советского Союзу нечего... даже в случае нарушения якобы подписанного договора о ядерном разоружении Штатов... брехня, блять. – Не выдержал Иван. – Не спасла нас даже новая система ПВО, о которой триндели эти гниды без конца.

Он замолчал. Указательный палец левой его руки начал скрести стол. Под ноготь быстро забила щепа.

– Наебали нас, Антох. Не было никакого разоружения, безопасности. Сомневаюсь, что и речь была об окончании этой войны треклятой... умолкло радио... а через полчаса сногсшибательной победы гриб ядерный над Омском, как тебе?

Горлышко бутылки брякнуло о стопку. О вторую тоже брякнуло.

***

На второй половине блюдца, пристроившись к грибам, дымили окурки. Последняя стопка опрокинута Семёновичем уже минут как 40 назад, по его предположению. Тогда и

я перестал цедить свою, третью по счету.

Пока я боролся со звёздной рябью в глазах, Демьян выудил очередную сигарку из переставшего закрываться портсигара. Откуда у него столько табаку?

За едким дымком раздался недобрый кашель. Болезненный. Недолго думая, я достал с вещмешка пачку «Аксифен'а».

– Ты дурной? – Пьяно прокашлялся тот. – От этой дряни только кайфануть да в гроб... они же просроченные, балда! – Он вновь закашлял, аж сигаркой трясся. – Выкинь от греха подальше... мне не помочь все равно – это хроническое.

Глядя на коробок отравы, я вдруг подумал: “Что делаю вообще? За едой с дрянным пойлом пришёл разве?”.

«Ты знаешь Аристарха?» – написал я криво.

Иван Семёнович, будучи в состоянии недобром, вглядывался долго.

– Он тебе... кто?

«Торговали. Когда поселение сожгли, он остался единственным знакомым вне общины. Человек из Нижневартовска помог отыскать его местоположение.»

Лгать было страшно, но без предосторожности нельзя.

– Торговали... – медленно повторил Демьян, будто смакуя. – А как... именно... этот человек подсобил тебе?

«Он следил за радиочастотами. Каждое любопытное явление конспектировал. Наткнулся было на трансляцию, где мужчина, представившись Аристархом, просил о матери-

альной помощи для поселения Аган. Мне пришлось отдать половину провизии за сведения.»

– Сработало значит. – пьяно улыбнулся Семёнович. – Знал я этого Аристарха.

Портсигар захлопнулся. Недокуренная сигарка отправилась в блюдце, а резко протрезвевший Демьян провёл лапой по высохшему ежу, облегчённо вздохнув:

– В дозоре стоял я. Конец мая был, день. Дождик вот-вот заморосил. Смотрю топают друг твой, таща мешок, оказавшийся парнем раненым. Ну, мы по протоколу обшманили их, раненого к доктору, а с Аристархом твоим беседу вели до разъяснений. Искал он чего-то, не помню. В тетради отчётной смотреть надо. – Лапища махнула куда-то в сторону. – Старшина оформил его временно, как ополченца. По началу не доверяли, ясное дело, ходил, искал всё, расспрашивал, без дела слоняясь. Потом, видимо, договорился о чём-то с председателем нашим, начали ему поручения давать: в дозорах стоял, по хозяйским вопросам выручал. Приставили затем его к нашему радиолюбителю, как подручного. Смастерили они радиостанцию, запустили в трансляцию запись о помощи, о которой твой человек из Нижневартовска говорил. Слушали всем посёлком, представляешь? – Добро усмехнулся Иван. – Пропал он через сутки, Антох... ветренным оказался. Видел бы ты горящего по товарищу радиолюбителя... Как-то спрашивал я председателя по этому поводу, а тот мне: “Не волнуйся, всё хорошо. Он ушёл. Полу-

чил за помощь поселению искомые координаты и ушёл с отрядом добровольцев для обеспечения безопасности.”

Демьян помедлил, взяв недокуренную сигарку. Обдумал. Вернул в блюдце.

– Ребята должны были вернуться, рассказать. – Продолжил он. – Но стало не до этого... сам знаешь про хворь. Первые вспышки были с севера посёлка. Мы огородили всё, вели дежурства, держа здоровых на расстоянии и от нас, и от образовавшейся *зоны*... не помогло... передохли...

Впалые, глядящие в пустоту глаза. Взгляд потерявшего смысл человека. Человека мёртвого внутри.

– Там и сейчас эта дрянь ходит... – Молвил сосуд. – Даже не думай туда соваться.

***

Иван Семёнович настолько крепко спал на печи, похрапывая, что будь я в его комнате над ухом с этой скрипучей койкой, он не шевельнул бы и волосинкой на усах. Мне же удалось проспять часа три от силы. Начинало светать, когда я проснулся от ощущения, что кто-то сверлит меня своими окулярами. Багрянцами.

Бесстыдник не торопился выйти на контакт с нашим новым знакомым. Он подслушал весь разговор, дождался, пока все погрузятся в крепкие сновидения, и пробрался в дом. В выделенную мне комнату. Сказать, что Демьян такой же лгун, как и я. Он прочитал всё, что было адресовано Семёновичу.

«Я не верю!»

– Да ты подумай, дурья ты башка! – Пытался вразумить тот, тыча пальцем в резину противогаза. – Он же брешет! Вспомни ваш разговор и сопоставь с найденным. Проснись, наконец, пораскинь мозгами!

Как можно было пораскинуть мозгами после ужасного сна на протяжении суток? Ещё эта бурдень...

– Вспомни! – Не церемонилась с храпящим через стенку кабаном морда. – По отчётной тетради твой отец вышел на дозорных июньской ночью, а этот боров говорит майским днём!

И правда... как я так профукал? Чуть взвесив, я стянул с тумбы раскрытый дневник: *«Ещё он ошибся с целью. В тетради «поиск безопасного места», а Демьян утверждает о поиске то ли предмета, то ли координат.»*

– Именно! – Тыча уже в меня, прогудел хобот. – Да ещё и речь шла о радиолюбителе, недурно сработавшемся с Аристархом. Кем же он мог быть? – Саркастично.

«Огнев Матвей»

– Явно не подходящий под описания борова...

Он был прав. Мои глаза ещё лениво разлипались, но разум утверждал это однозначно. Но зачем этому грузному мужчине мне врать? Врать незнакомцу... как и я. Предосторожность? Реальное желание что-то скрыть? Или человек в силу возраста запомнил и не хотел этого показывать?

– Нам нужно на север поселения. – Неожиданно начал до-

знаватель. – Не случайно же он запретил туда заходить...

Так я и поступил. Повёлся на поводу у пса, от которого не раз хотел избавиться.

Часть вторая.

Заграждения *зоны*, оговоренные Демьяном, более походили на имитацию: путь перекрывали только наспех сколоченные из толстых веток ежи да натасканные земельные кучи. Тогда, наверное, защита держалась за счёт вооружённого ополчения или понимания ситуации самих заражённых.

Сейчас занять билет туда-обратно труда не составляет.

В относительном центре оказавшейся не столь обширной территории стоял сгоревший дотла дом. Судя по всплывающей в памяти карте, это председательский. Его были и куски фасада, и шифер, разбросанный в трёх метрах, и колышки бывшего штакетника, на одном из которых крутил голову ворон. Молчаливый, но до жути любознательный.

Я машинально стиснул рукоять револьвера, достать который было так же легко, как и билет. Красть же из-под храпящей картофелины пришлось противогаз. Станный, с боковым фильтром и тугой шейной лямкой, вряд ли застегивающейся на шее Семёновича. Но отдать должное вещице всё-таки стоит – дышалось чрез него куда легче.

– Куда дальше, бродяжник? – Поравнялся со мной спутник.

Вокруг дрыхли лишь запустившие хозяевами халупы.

Вдоль просёлочной дороги обстановка не менялась, как и у северного забаррикадированного выхода из посёлка.

Всё это время нас сопровождал ворон. Эта любопытная птица не упускала ни одного нашего движения, даже когда мы сели на дворовую лавку. Она разглядывала нас с валуна буквально в метре, будто чего-то выжидая.

Я решил, что он голоден, и оторвал прохиндею маленький кусочек сушеного мяса, мне не убудет. Ворон с опаской взглянул на лакомство в промёрзлой траве, но долго думать не стал – тут же схватил да улетел. Хобот издал звук, похожий на усмешку.

Так что теперь делать? В этой *хвори* ничего не осталось: место, где была возможность найти новые зацепки, сожжено. Чего примечательного более нет. Возвратиться к Демьяну и принять его историю? Я бросил взгляд на выход с посёлка. Просто уйти?

Гаркнуло. Тяжело. Гортанно. Разрывая тишину *хвори*.

Плащ вскочил чуть ли не быстрее меня, услышав исходящее с дворовых глубин снова. Это был ворон. Прохиндей, встречающий менее грозным карканьем выбредающих к нему путников. Он радостно похлопывал крыльями с водостока одноэтажного, покрытого побелкой здания, перед которым расстился небольших размеров тент. Потрёпанный брезент скрывал крыльцо с наспех оборудованными лежаками. Сопровождаемые их табуреты были разбросаны вместе с опрокинутыми вёдрами и тазами, забитыми перепачканным

тряпьём.

Из пустой дверной рамы тянуло смрадом, подталкивающим всё съеденное вчера к глотке. Ситуация внутри наверняка была ещё отвратительней. Потому оставив попутчиков снаружи, я набил фильтр марлей бинта и ступил за порог.

Помогло это не сильно. Простыни и заменяющие их куски мешковины внутри были пропитаны всем цветовым диапазоном человеческих выделений, что пахло соответствующе. Воспаряющая вонь исходила и от протрещавшей под ногами ширмы, дополняющей малочисленные кровати. Так же отзывались стоящие колом тряпки и редкие ампулы в скоплениях использованных препаратов.

Не иначе как местная больница.

Действовать нужно быстро. Задерживать дыхание, сдерживая одновременно тошноту – дело не из лёгких. По снятой с петель двери простучали берцы – я вскочил в проём единственного здесь кабинета. Дряхлая кушетка, занимающая добрую половину помещения-чулана, глядела на узкий письменный стол да вытянутый по струнке шкафчик. Кружилась голова. Не теряя и секунды, я начал вспарывать хранилища прошлого, документация которых без разбору летела в коробку мятого картона под ногами.

На крыльце меня вырвало прямо в противогаз. Кашель разрывал лёгкие, когда я рухнул наземь в десятке метров от больничного тента. Полная шлаков резина с пришедшим в негодность фильтром и пропитанной ржавчиной марлей по-

летела прочь, как и опрокинутый картон бумаг.

Так вот как пахнет *смерть*?

***

По тонкому слою морозных кристаллов золотисто-оранжевой травы скакал воодушевлённый ворон. Скакал преимущественно возле спутника. Тот с опаской глядел на разбросанные бумаги, в которых копошился его товарищ. Ему было не до птицы.

Большую часть коробки занимали выписки, дубликаты справок и рецептов, учетные журналы. Одним словом – мусор. Только толстенная папка медицинских карт представляла хоть какую-то ценность из-за возможности отследить течение хвори в посёлке. Возможность раскрыть детали, не касающиеся моего вопроса. Потешить забытую тягу к прошлому.

«ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ №47

Клинический диагноз: Черепно-мозговая травма 3 стадии; Контузия; Пулевое ранение бедра; Обширное внутреннее кровоотечение.

ФИО: неизвестны.

Прибыл ночью 29.05.1991 без сознания. Судя по одежде – солдат. Оказана первая помощь и проведено хирургическое вмешательство.

Пришёл в себя 31.05., в сознании провёл 1ч.23мин.

Скончался в ночь того же числа из-за невозможности дальнейшего лечения.»

Я протянул листок спутнику.

– Солдат? – Прочитала с моих рук морда. – Много их нынче на наши с тобой плечи...

Откуда он здесь взялся? Белка-3? Какой другой военный объект? Что он мог сказать за эти полтора часа?

– Знал ли об этом Демьян? – Вмешался плащ. – Он мог и забыть об этом, если появление солдата ничего не сулило...

«*Либо намеренно скрыл.*» – Вписал я прямо на медкарте. Собеседник возражать не стал: Отозвался кивком, чуть помедлив.

Через какое-то время ворону стало скучно, и он улетел. От пролистывания жухлых страниц очередной карты я отвлёкся только на минуту. Чтобы проводить. Понадеяться встретиться снова.

Судя по количеству этих жухлых страниц, пациент провёл в посёлке многие годы. Это был мужчина. Множество обращений, связанных с травмами от топора, долото и частые боли в спине указывают на то, что он отвечал за обработку древесины. Плотник, любивший пригубить самогону, что подтверждали не единожды появляющиеся графы: «*Отравление алкоголем*». «*Поступил 12.06.1991 с лихорадкой... Скончался 14.06. из-за невозможности дальнейшего лечения.*».

Я отложил измученные листы. Листы, гласившие историю болезни *нулевого пациента*, чьё тело сожгли в попытке избежать распространение не пойми откуда разразившейся болезни.

Но было уже поздно.

Всё, что осталось от жителей посёлка – куча посмертных медкарт. У каждой одна симптоматика, у каждой единственный исход: *«Скончался из-за невозможности дальнейшего лечения.»*. Так погиб и Огнев Матвей, чья карта была в числе первой десятки, и, наверное, его возлюбленная, чьё имя мне неизвестно. Хворь не обошла стороной и Глеба, книжка которого, помимо ранения в живот, содержала только констатацию смерти.

Был уже полдень. Покончив с бумагами, я пытался приделать старый фильтр к кое-как очищенной резине и скрывался от лупящего в макушку солнца, более слепящего, чем согревающего. На всё это путник глядел с сожалением. Мне так казалось. Он понимал, что среди карт я не нашёл ни Аристарха, ни Демьяна, который, в свою очередь, жив да относительно здоров. Что у меня, вымотанного, не смотря на кроткую передышку оборванца, всё ещё теплится надежда. Всё ещё находятся зацепки.

***

«Санитарное захоронение».

Именно так были помечены медкарты погибших от хвори. Трафаретный текст на обложке, сменяющейся к последней книжке обычным сокращением: «СЗ». Маленькая деталь, значащая, что тело закопают с остальными в какой-нибудь яме, траншее, без традиционных и установленных правил. Хаотично раскидают и засыпят землёй. Продолжат тради-

цию отравлять приютившую их почву.

А что им оставалось? Что прикажешь делать, когда народ уходит пачками, а оставшихся на ногах единиц всё меньше? О мёртвых ли думать?

С этими мыслями я миновал труху баррикад северного выхода. Устраивать могильник на территории собственного дома – не лучшая идея предотвращения эпидемии, что понимал наверняка и председатель.

На растерзание СЗ отдали вытоптанную прямо перед чостоколом опушку. Одинокая тренога лопат издали уже который сезон подряд глядела за местностью, испещрённую холмами-надгробиями. Кучами глины и земли, часть которых так и не повстречала новую участь. Не легла на увековеченную в себе погибшие силуэты ткань.

Мы с товарищем стояли на пороге одной из таких рытвин. Смотрели на задубевшую, служившую посмертной маской десяткам тел ткань.

Откуда взялась эта хворь? Вспышка в Агане ведь не первая и не последняя. Кто решил судьбу и так малочисленного человечества? Создатель? Враждебные страны? Союзники или, того хуже, собственная власть?

Треск костей. Фантомный скрип, будто шилом по стеклянному черепу.

Зажмурился.

Из багрового тумана памяти появился военный объект и... овраг тел. Появился человек. Он брёл по оврагу, сжи-

мая огонёк, и рассуждал о жуткой природе своего вида. О жестокости. Об отсутствии моральных ценностей. О том, что такое жуткое место может быть итогом ужасного прошлого, итогом пороков его вида.

“Забавно.” – Подумал я, размыкая веки. – “Кто бы мог подумать, что настолько похожие места могут иметь крайне противоположные корни. Безысходность и порок. Горе и жестокость.”.

Дневник был не прочь принять эти мысли. Не был прочь и я прервать поиски на возможность помочь погибшим обрести долгожданный покой.

Ржавая лопата вгрызалась неохотно. Грунт уже с лихвой подморозило – только на одну рытвину уходило больше часа. Старый черенок, словно противясь, всё норовил засадить в меня парочку заноз, что у него и вышло. Я вытаскивал их в передышке после третьего надгробья, когда заметил двигающийся в мою сторону плащ. Заметил только сейчас, что его не было рядом целых три часа.

– Гляжу ты не сидел сложа руки. – Взглянул на жалкого вида лопату путник. – Как успехи рабочие?

Отряхнув руки, я раскрыл дневник: *«Где ты ходил? Мог бы и помочь.»*.

– Мог бы и попросить. – Окинул взглядом тот проделанную мной работу. – Хотел вообще показать тебе одно место интересное, но ты весь из себя занятой...

От моего накипевшего рывка товарищ чуть не рухнул.

– Да брось ты уже это! – Прогудел он, неуклюже отскакивая. – Пошутил я!

***

Это была тропа, заметная ещё с баррикад выхода. Грунтовка вела на запад, не вселяя и малейшего желания по ней пройти. Спутнику жаль безразлично: Он ни о чём не думал и, с лёгкостью огибая густые ветви хвои, продолжал идти.

Всё кончилось спуском к отправной точке этого дрянного *детектива*. Спуском к реке Аган, чьё течение прибывало алюминиевую моторку, мерно стучащую об корягу из песка.

Я ведь это хотел увидеть? Промёрзлый песок? Сверлящие в уговорах возвратиться багрянцы, чтобы, наконец, согласиться?

– Взгляни.

Перед глазами пронеслась еле заметная дымка, словно от табака. Я вновь оказался среди хвои, а стоящий рядом провожатый даже и не заметил нашего перемещения.

“Помутнение рассудка.” – Ёкнуло внутри.

– Не считаешь это занятным? – Повернулся путник.

Тело окаменело.

– На те кучи у частокола явно не тянет. – Возвратил он свои линзы. – А для обычной могилы слишком несуразно...

С моей души упал неисчисляемой тяжести груз: У его ног возвышался невысокий холм, о котором и шла речь.

– Тело тут явно не одно. – Пояснял провожатый. – А тащиться сюда ради тройки или четвёрки обычных больных не

рационально. Будь они даже шишками какими... хоронили бы отдельно да с крестом, зная ваши обычаи.

Ветер пустил редкие травинки на холме в пляс. Нехотя провалил их задание по сокрытию и так опороченной человеком земли, которую лесная проплешина, куда меня привели, приняла её как родную. Приняла бескорыстно, как не может человек, воспользовавшийся её добротой.

Пятно в хвое обрывом выходило к реке. Открывало противоположный, угасающего оттенка золота берег, особенно красивый без человека, как и его братец. Сюда вряд ли была нужда соваться – душегуб это понимал. Закапывал непригодный материал, не страшась обнаружения. Вычёркивал чьи-то жизни.

Фляга засвистела. Рассекла тишину пугающим стуком моторки об корягу. Глухим поцелуем жестянки, разошедшимся не раз. Смутой, заставившей кинуться к обрыву, откуда доносился треск рассудка.

“Такая себе посудина...” – Произнёс я своей взбалмошной психике, глядя на мятое ведро в корнях сосны, цепляемое аналогичным психике течением: стук-тук, тук-стук. Было это в метрах двух от края глиняного обрыва. Течению раз от разу удавалось показать содержимое жести, но рассматривать приходилось только чёрный оттенок – внутри что-то однородное.

И этим однородным оказался взмокший пепел. Толстый слой клейстера, чудом сохранивший непоглощённые пламе-

нем куски картона и бумаги на дне.

– Думаешь это их? – Кивнул в сторону чуть заросшей могилы провожатый. – Ведро могло принести откуда угодно...

Разглядывая обугленные кусочки прошлого, я уже не был в состоянии сомневаться в своих летучих догадках и слушать бродячих собак. Потная резина противогаза нагрелась от жара, бушлат начало потрясывать от сердцебиения. Тяжело сглатывая, я встал с навязчивым ощущением ненависти и страха перед теми, кто лежит под грудой почвы за моей спиной.

***

Под деревянным навесом близ собственного дома Иван Семёнович ковырялся с грузовиком чахлого вида. Комбинировал разложенный инструмент, что-то снимал, разглядывая, записывал в измазанный блокнот и снова лез под гнутый капот по пояс. Ругань оттуда то и дело сглаживала его терзания по состоянию сего бежевого чуда.

Брань помогла и с болью в спине – вскочил он не по годам быстро, заметив в дырах металла идущий силуэт.

– Хоть предупредил б что уходишь куда... – Потирая копчик, молвил Демьян и раздосадовано взглянул, как я стягиваю его противогаз. – Я б и свою *Нерехту* дал, ежели не в терпёж. Чего в тихую коммуниздить?

Выхватив резину масляными руками, Семёнович быстро об этом пожалел и метнулся к грузовику, где лежала драная пелёнка.

– Гляди! – Кивнул тот на чудо коррозии, обтираясь. – По-возиться с беднягой несколько месяцев и на хрен отсюда, а? Найти только донора какого осталось, приколхозить чего маленько...

В попытке сморкнуться обеими ноздрями разом Демьян испачкался. Гыкнул. Протёр лицо уже промасленной пелёнкой и продолжил:

– Ну так как на это смотришь?

Я подал развёрнутый дневник, ничего не вписав. Внутри – один из найденных мной огарков – фрагмент медицинской карты Демьянова Ивана Семёновича с констатацией смерти от 10.06.1991 *«из-за невозможности дальнейшего лечения»*.

На крыло грузовика медленно легла пелёнка с противогазом. Стоящий передо мной кабан, глазевший уже куда-то сквозь дневник, был мертвенно бледен. Немного прождав, я выудил из вещмешка медкарту неизвестного солдата, что поддержало состояние усатого покойника.

Стояли долго. Безмолвно. Кончилось тем, что грузный, медленно размыкая слипшиеся губы, сказал: “Идём.” – И, не дождавшись ответа, побрёл к дому.

В стенах, казавшихся ранее уютными, ощущение безопасности пошатнулось. Держа в кармане взведённый револьвер, я сел за неубранный со вчера стол, приглядывая за хозяином. Сложив всё выданное, он долго умывал лицо, стараясь, видимо, прийти в чувства, а после сел напротив вполоборота.

– Не Демьянов я... – Сказал он наконец. – И не ополченец

никакой.

Не поднимая глаз, он взял недокуренную сигарку из блюда. На ней тут же показались пятна от стекающей с лица воды.

– Никольский Григорий Александрович, председатель колхоза посёлка Аган. – Продолжил он, покрутив сигарку. – У Вани ни семьи, ни близких не было... друзья все погибли... вспомнить лица некому...

Я вывел свободной рукой: «*Зачем лгать?*». Никольский впервые за это время поднял на меня глаза. Впалые глаза, полные горести и зарождавшейся ненависти.

Мал ты ещё... – Отрезал бывший председатель. – А это... – Ткнул он в медкарту за номером 47. – Кто ты такой, чтобы интересоваться солдатней?

Мою уверенность в связи солдата с отцом или хворью подкрепить было нечем. Пришлось увильнуть: «*Об Аристархе ты тоже лгал? Ты не принимал его в дозоре, не разделял ополчение?*».

– Солдата твоего охотники нашли. – Так же увильнул боров. – Тот с радиостанцией в овраг свалился от полученных травм и бессилия. Сутки пролежал. По заверенью врача нашего, шансы выжить нулевые, но сражаться никто не переставал: ни врач, ни без пяти минут покойник.

Председатель, вернув бычок в блюдо, провёл кабаньей пятернёй по лицу, смахивая остатки воды, и рассказал, что перед кончиной парень всё-таки проснулся. Поведал незна-

комцам о последних воспоминаниях своей жизни.

Был он радистом при эвакуационной колонне из Сургута. Имени не помнил. Участвовал в перевозке медицинского оборудования с образцами каких-то лекарств. Состоял в хвостовой части. На полпути командование скорректировало маршрут. Засада. Неизвестные вклинились в середину колонны, начав потрошить гадюку в обе стороны. Всё происходил с такой прытью, что люди не успевали и крикнуть. Выстрелы и щелчки предохранителей доносились уже в метрах десяти, когда отряд радиста спохватился и... дезертировал.

– Как оказался один в овраге не сказал, но отметил на карте примерное место засады, чтоб поверили. – Заканчивал Григорий Александрович. – На следующее утро парня хоронили...

Кабанье тело полностью ко мне развернулось. Об стол чиркнула спичка, одаря огнём сигарку из вчерашнего портсигара со стола.

– Аристарх лекарства искал, коих у нас не было. – Запытели усы. – Верить, что от той колонны осталось чего, я не стал, а для него это была надежда... двигатель жизни. Ясное дело, даже за такие сведения в наше время нужно платить. Сошлись сначала на мелочной работёнке: в дозоре постоять, где помочь физически. Потом приставил к нашему умельцу собачкой на побегушках... Он станцию радиста приводил в порядок. Хотел решить наш продовольственный вопрос трансляцией о помощи... идиот.

Никольский раздосадовано взглянул на пустую четверть.

– Ну чем смог подсобил он, получил от меня координаты, пометки всякие... Дал ему двух молодцев, чтоб наверняка... да не вернулся... ни он, ни ребята мои... сука.

Боров, потушив сигарку, собрался было встать, но револьвер его осадил. Пятно вороненого ствола выглядывало теперь не слепого кротёнка, а дичь покрупнее.

– Ты с этим самым не шути, Антош. – С ноткой волнения сказал свин.

Перед ним на стол опустился оставшийся огарок. Кусок титульного листа медкарты, где в строке «*ФИО*» вписано: «*Кайдановский Аристарх Георгиевич*».

– Что ты мне суешь свои угли? – Быстро среагировал председатель. – Думаешь, это чего доказывает и оспаривает мои слова? Думаешь, раз человек прожил вместе с нами всего несколько дней, то мы не заведём на него медкарту? Мне надоело оправдываться перед тобой! Брось свои закидоны, парень!

Ружьё. За плечом Никольского у печи стояло самозарядное ружьё. То, чей ствол вытягивал из меня ответы. То, с помощью которого можно было избежать гибель родного мне человека. То, чей ремень стягивал кожаную куртку моего отца. К взгляду прилип раскрытый портсигар, откуда свинья вытягивала дрянные самокрутки. Поддев дулом его серебряную крышку, я увидел восход над Москвой. Идущих за победой красноармейцев. Гравюру Красной Армии, что была

сделана старым другом отца на его наградном портсигаре.

Упускать расхлябанность председатель не стал. Я не успел и спохватиться, как через вмиг опрокинутый стол на меня кинулся диковинный зверь. Револьвер с металлическим лязгом был выбит чем-то хладным: лезвием ножа, что уже норовил растерзать поваленный бушлат в районе печени. Свиные лапы, в надежде прибить гадкого червя к протрещавшему полу, заручились всей кабаньей массой – сдержат не под силу. Остриё стали уже цепляло плоть, когда я в рывке последних сил дёрнул к себе лапища. Чавкнуло. Нож, проводимый треском костей, под углом вошёл в правое плечо.

Безумная боль. Немой крик.

Недовольное попыткой кабаньё решило повернуть всё вновь, и я почувствовал, как лезвие, словно раскалённое до красна, обжигаяще разрывало каждое волокно на своём обратном пути. Я видел собственную кровь на ноже. Видел звериный замах. Видел не пойми откуда взявшейся силуэт, что накинулся на Никольского.

Помогло это не сильно: председатель лишь повёл бычьей шеей, но надежда уже затаилась. Почти онемевшей правой рукой я, стиснув от боли зубы, ткнул в лапище, что изменило траекторию следующего удара – нож по касательной скользнул влево. Чиркнул по животу и врезался в пол, откуда в моей второй, всё это время занятой поисками руке ожидал его звериной пасти револьвер.

Я надеялся напугать Григория, чей белок глаз уже расши-

рился от увиденного. Заставить его прекратить, но он... дёрнулся.

***

Мёртвая тишина.

Силуэт, что опустился рядом у стены, давно держал мою левую, дрожащую от озноба ран руку. Его навязано знакомые багрянцы пылали надеждой, что я нажму крючок револьвера. Осознанно добыю редкого ныне соотечественника, свалившегося от сквозной пули в ключицу.

– С ним надо кончать. – Повторил вполголоса зелёный слоник. – Ты только нажми...

Я прервал его, освободив руку. Хотелось спросить, кем он себя возомнил, раз волен перечёркивать судьбы, но ему хватило и взгляда, чтобы убраться. Положив Наган на ноги, я взглянул на оппонента: он сидел спиной к опрокинутой столешнице. Вцепился в ключицу и тяжело дышал, опустив голову с закрытыми глазами.

Ему было больно, как и мне.

Вспомнив о растворе йода, я, опёршись о стену, встал и отыскал бутылку: себе стакан для дезинфекции, а остальное вместе с попавшим под руку тряпьем возле Григория оставил. Глаза он открыл только когда услышал возню с моей стороны – я одежду снимал, чтобы до ран добраться. Глядел он сначала непонимающе, но, опомнившись, тоже принялся хлопотать.

Через какое-то время мы оба сидели перемотанные. Я из-

расходовал все найденные на посту бинты и чутка изолянты для фиксации, а усмирившийся зверь умудрился даже шину на руку из ножки стула сделать и попробовать раствора на язык. Обплевался весь, пока я свитер аккуратно натягивал, и начал неожиданно тихо:

– Его ведь все поддержали... – Глядел он на запачканный ватник в руке. – И умельца, и идею его паршивую с трансляцией. Говорил я ему, что не решит это предстоящего голода, неурожай в этом сезоне... что продукты нужны здесь и сейчас, а он... Пришлось без его ведома, без ведома совета приближённых, нарушая наши правила, решать проблему по-другому...

Председатель медленно, неуклюже одной рукой натянул на голые плечи куртку и, опрокинув голову, взглянул на потолок.

– За время моей службы на левом берегу реки возвели складской комплекс. – Чуть похрипывая, продолжал Никольский. – Хрен пойми: для совхоза ли, для партии. Колхозу не мешали и пускай... Сунулись тудой только после *сногшибательной победы*, когда на ноги встали, а там будто и не было никого. Сарай, гаражи, здания – всё пустое стояло: до последней лампочки выкрутили и драпанули... Мы с парнями тогда лишь одно место не осмотрели. Место, куда вела шахта подъёмника глубиной уж точно больше десятка метров... Минусовой этаж, подвал или вообще... бункер. – Это слово Григорий проговорил с каким-то благоговением. – Там

ведь могло быть что угодно: от продовольствия до радиотехники и нетронутого арсенала... Так мы подумали с заведующим ополчения о давно забытом месте полтора года назад. Подумали и организовали специальную группу из трёх человек, куда вошёл Демьян, Ильяс и... Аристарх. По договорённости это была его последняя услуга.

Председатель опустил голову и тяжело сглотнул – рассказ давался нелегко, да и рана наверняка привносила свою лепту. Я понимал его, как некогда: плечо ныло так неукротимо, что боль от пореза живота казалась щекоткой.

– Спустя сутки они уже стояли передо мной с пустыми сумками и... рассказывали ужасные вещи. Что вскрытые помещения были полны тел, что не было и следа продуктов и в принципе мест для хранения чего-либо, что людей просто заперли под толщей почвы без возможности выбраться... Толстенная входная дверь с внутренней стороны была испещрена сколами и выбоинами... Ты спросишь: “За что их так?”. – Председатель медленно поднял на меня красные от напряжения глаза. – Они были больны... Больны хворью, что вернувшиеся мужики принесли в посёлок, обрекая нас на гибель... У нас даже не было примитивных лекарств, чтоб отсрочить смерть того же Аристарха хотя б на пару дней... Мы похоронили их на отшибе, спалив письменные упоминания, чтоб предотвратить распространение болезни и забыть о ней, но было уже поздно!.. Эту чуму не остановит и сожжение останков, что мы тоже пытались делать...

Никольский отвернулся и спешно смахнул каплю влаги с грубой щеки. Это была слеза, подтверждающая произошедшее. “Не мог же председатель быть настолько искусным лжецом.” – Подумал я. – “Это должна быть правда.”

– Когда всё стало совсем худо, горстка оставшегося совета решила исследовать разбитую колонну под Сургутом. Из выдвинутой группы дошло только двое – они копались среди раскуроченной техники и смердящих, наполовину растасканных тел... Среди обычного пустого кладбища, где кроме человеческой жестокости не было и капли бывшего величия... Через сутки, вернувшиеся ни с чем стояли среди такого же пепелища. Первый за смертью либо уходом выживших решил не оставаться. Второй, стоя на сожжённых за время его отсутствия деревяшках собственного дома, глядел на торчащую из-под обломков сгоревшую руку и плакал...

Я медленно, с болью от протрещавших закоростелых ран, поднялся по стене. Мне не за чем было продолжать диалог, если его можно таким назвать. Всё, что требовалось, я узнал, а что нет – объяснимо человеческим фактором. Откуда у Григория Александровича вещи отца? – Почём оставлять в земле такие ценности? Зачем лгать? – Соккрытие больных для человека моментов или не решимость с ними смириться. Почему Никольский остался в посёлке? – А где *сейчас* место советскому человеку?

Перепаханный пол, разгром, измученный хозяин дома, так рьяно пытавшийся забыться долгое время и начать жизнь

с чистого листа. Всё это сделал я со своей правдой. Стоило оно того? Эта никому не нужная правда? Отец годами скрывал от меня правду прошлого, Никольский отгораживал меня от правды посёлка и судьбы отца – так может, эта правда и не нужна? Лучше забыть её и двигаться дальше, потому что с ней тяжело? А как же будущее, которое без прошлого невозможно? Смотря, как в могилу уносят правду о прошлом, чужие или свои грехи, будущие поколения будут считать это нормой. Что животная редкость, радиация, царящая вокруг смерть и мёртвая природа – это нормально. Нормально опускать руки и не двигаться дальше. Нормально – убивать человеческое внутри. Убивать всеобщую ил чужую цель ради собственной.

ЭПИЛОГ

Мужчина у братской могилы держал в руке что-то, сыгравшее отблеском с уходящими лучами солнца. Серебряная пустышка, осколок прошлого. Такой же осколок, как и его раны, скрытые свитером. Как страх и ненависть пред лежавшими в земле под ногами. Как обида пред ними, как сделанное, что не воротишь вспять.

– Многие не прощают. – Тихо прогудела морда, наблюдавшая за мужчиной поодаль. – Но ты смог.

Под жёсткими берцами лязгнул пустой револьвер.

– Или нет? – На придумывал себе зелёный слоник, так и не изменившись. Он совсем не заметил, что его напарник

ещё после обнаружения огарков выкинул свой последний патрон. Туда, где вместе с ним зарыли мысль о потере контроля и совершении раковой ошибки. Об убийстве не то чтобы председателя или своего ненавистного товарища, а... *себя*.

Мужчина взглянул на закат. На падение вальсирующих узоров цвета гошенита.

– Снег – Спокойно произнёс мужчина. – Успеть бы возвратиться...